

ВЛАДИМИР

КОЛЫУЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

МНЕ ДУШУ РВЕТ

ЧУЖАЯ БОЛЬ

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Мне душу рвет чужая боль

«ЭКСМО»

2009

Колычев В. Г.

Мне душу рвет чужая боль / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2009 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

ISBN 978-5-699-32706-5

Две житейские мудрости выпало испытать на своем веку студенту Валентину Шведову. Первая – «от сумы да от тюрьмы не зарекайся»... В Валентина влюблена красавица Кристина, а он собирается жениться на скромнице Лиде. Однако во время свидания в парке Лиду убивают двое отморожков. Одного из них Валентин догоняет и забивает насмерть. На зоне бывший студент, незнакомый с блатными законами, попадает в разряд «опущенных». Его личным врагом становится местный авторитет Артурчик... Вторая мудрость – «неисповедимы пути Господни»... Выйдя на свободу, Валентин встречает красавицу Кристину и снова попадает в крутую передрагу: жестоко избитый, сидя со связанными руками в темном подвале, он узнает, кто был вторым убийцей его невесты и кто заказал расправу...

ISBN 978-5-699-32706-5

© Колычев В. Г., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть первая	19
Глава 1	19
Глава 2	23
Глава 3	29
Глава 4	33
Глава 5	36
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Колычев

Мне душу рвет чужая боль

Пролог

Дождь – рука осени. Дождь стучал по стеклу, барабанил по жестянке подоконника. Холодно на улице, слякотно и промозгло.

– Избушка, избушка, встань ко мне передом, а к лесу задом...

Голос у Кристины низкий, но совсем не грубый. Контральто – мягкое, выразительное и полетное. Голос ее звучал тихо, но заполнял пространство, как объемный стереозвук. Ее невозможно было не услышать.

Кристину приятно было слушать, но куда больше хотелось любоваться ею. Валентин оторвал взгляд от окна и с замиранием сердца повернулся к ней.

Надежды юношей питают. И надежды эти у Валентина были самые смелые, но Кристина своей дерзостью превзошла их. Волосы распущены, шелковый халат на голое тело, поясок развязан, полы разведены...

Кристина подавляла своей красотой. Ни у кого не было таких картинных глаз, как у нее. Волосы, черты лица, фигура – эталон безупречности. Но... Валентина потрясла ее смелость. А когда она движением плеч скинула к ногам халат, ошеломленно раскрыл рот. Полуобнаженная натура в ореоле совершенства. Шокирующее откровение. Роскошные волосы до плеч, прелестное лицо, великолепная фигура, идеальной чистоты матовая кожа, тонкая черная полоска внизу живота... Все замечательно. Но Кристина слепила своей красотой, не опьяняя. Не хватало ей хмельного тепла. Валентин смотрел на нее во все глаза, не в силах сказать и слова от восхищения, но при этом он не чувствовал в себе желания ворваться в эту некогда неприступную крепость, столь внезапно сдавшуюся ему на милость.

Кристина раскрыла перед ним все свои тайны, но при этом умудрялась смотреть на него с загадочной улыбкой беспорочной женщины. Она поняла, что Валентин лишился дара речи, и это ее почему-то забавляло и умиляло.

– Не ожидал?

Она вплотную подошла к нему, руками оплела его шею.

– Я тоже от себя этого не ожидала...

Он должен был сходить с ума от нахлынувших чувств и эмоций. Но при всей своей ослепительности Кристина не смогла вызвать в нем тех желаний, которые он испытывал в объятиях другой, брошенной им девушки.

Лида и близко не была такой красивой, как Кристина, и ее фигура также была далека от идеала – маленькая мягкая грудь, тяжелая попа, короткие ноги, гусиная кожа на бедрах... Но при всем при том Лида заводила его с пол-оборота, да так, что кровь закипала в каждой клеточке его тела. А с Кристиной он был похож на горящую воду: сверху тонкая пылающая пленка, а под ней – холодная масса.

– Ну, и чего ты стоишь, как истукан? – удивленно спросила Кристина. – Обними меня.

Валентин сконфуженно кивнул, двумя руками обвил ее тонкий стан. А животом к нему она прижалась сама.

– Теперь поцелуй.

Он выполнил и это ее требование, о чем несколько не пожалел: губы у Кристины упругие, сочные, сладкие, с мятной свежестью... Но только почему-то этот поцелуй не воспламенял...

– Ты точно как истукан, – оторвавшись от него, прошептала она. – Мне что, самой снимать тебя с ручника?

Кристина отстранилась от него, взяла за руку, подвела к дивану, на который упала вместе с ним.

– Я слышала, у парней это бывает, – не без досады сказала она, осознав его несостоятельность. – Если шок или впервые...

– Не впервые, – ляпнул Валентин.

С Лидой у него было, и много раз. И осечек никогда не было.

– Зато у меня впервые, – прижимаясь к нему, страстно прошептала Кристина.

В это верилось с трудом. Если не сказать, что вообще не верилось. Валентин знал, что до него Кристина дружила с Костей Мироновым, известным в городе плейбоем, перед которым не могла устоять ни одна девушка. К тому же Кристине уже девятнадцать, и она давно вышла из «девственного» возраста. Да и живет она отдельно от родителей – уж не потому ли она приобрела манеру разоружать мужчин шокирующей наготой...

– И так глупо, – немного подумав, добавила она.

В ее голосе слышалось если не раскаяние, то сожаление уж точно.

– Все хорошо, – сказал Валентин, скользнув рукой по тугим куполам ее бюста.

Увы, этим он поддал жару только ей, у самого же в низинах души даже не шелохнулось. Ему приятно было смотреть на Кристину, чувствовать под рукой ее нежную, безупречно гладкую кожу, ощущать тепло и упругости ее роскошного тела... Сейчас его можно было сравнить с отсыревшей спичкой, которая дымила, но не зажигалась.

– Ты лучший, – прошептала она, расстегнув пуговицу на его рубашке.

Наконец-то Валентин осознал, что мешает ему расслабиться. Одежда – это как защитный экран вокруг чувствительной антенны; стоит ему раздеться, и его тело не только поймает, но и многократно усилит жаркий сигнал... Кристина помогла ему раздеться, но, вопреки его ожиданиям, ничего не произошло.

– Ты, наверное, переволновался, – со знанием дела сказала Кристина.

Валентин в знак согласия кивнул... Он хорошо помнил, как *это* впервые произошло между ним и Лидой. Она не подавала себя в готовом к употреблению виде; более того, ему пришлось преодолевать ее сопротивление... Вспомнив тот свой победный триумф, он ощутил, как поднялась и затвердела кровь. И Кристина это почувствовала. Игриво улыбнувшись, она подалась к нему. Но в самый последний момент в ее глазах мелькнул страх, и Валентин даже подумал, что на этом все и закончится. Но нет, пересилив себя, она еще глубже прижалась к нему...

* * *

Валентин возвращался домой из института. Ему совсем не обязательно было идти через сквер, где он когда-то познакомился с Лидой. Да он, в общем-то, и не собирался делать крюк, чтобы побывать здесь. И даже удивился, когда обнаружил себя на перекрестке двух аллей у скамейки, где он когда-то ее впервые поцеловал.

Скамейка была усыпана сухой листвой, Валентин машинально смахнул ее, сел... Вот это совершенно напрасно, подумал он. Ему всего двадцать два года, он еще молод, у него все впереди. Глупо в его возрасте вспоминать о вчерашнем дне. Он должен идти вперед, только вперед... Он думал, что ему пора домой. Два-три часа на отработку лекций, а затем встреча с Кристиной. Сначала они пойдут на дискотеку, а затем отправятся к ней домой... Танцует она здорово, попкой так вертит, что мертвого зажечь может. Джинсы у нее сидят низко-низко, топик поднят чуть ли не под самую грудь, животик такой сексуальный, что... Валентин представил, как танцует Кристина, как эротично при этом выглядит, но не ощутил в себе ни малейшего шевеления.

Зато душа затрепыхалась в груди, как встревоженная птица в клетке, но мысли о Кристине здесь были ни при чем. Виной этому была Лида. Сначала он услышал шорох листвы под ее ногами, а затем увидел ее саму. Серый шерстяной берет, невзрачная куртка, юбка по колено, дешевые сапоги... Наивная и совершенно немодная девушка. Но когда она улыбалась, перед ней, казалось, меркли все фотомодели мира. Милая, нежная, добрая. И в прошлом...

Лида улыбалась и сейчас, но тускло и натянуто. В глазах печаль и уныние. Ни осуждения, ни злобы, но тоски полная чаша. И еще робкая надежда – вдруг Валентин одумался, вдруг вернулся к ней.

– А я знала, что ты придешь, – нежным голосом сказала она.

И присела рядом, не коснувшись его даже краешком одежды. Ноги плотно сведены вместе, ладони на коленях, пальцы рук беспомощно переплетены. Плечи опущены, но голова приподнята. На губах растерянная полуулыбка.

– Пришел, – кивнул он, соглашаясь.

А ведь и в самом деле пришел. Не тянуло, не хотел, а пришел... Или тянуло? Да, тянуло. Иначе бы он не оказался здесь.

– Зачем?

– Просто.

– А я каждый день сюда хожу... Как твои дела?

– Ничего.

– Ты счастлив с ней? – дрогнувшим голосом спросила Лида.

– С Кристиной?.. Э-э, она красивая, с ней хорошо.

– А со мной? Со мной было плохо?

Не надо было смотреть на нее, чтобы увидеть слезы на ее глазах. Валентин знал это и так: догадался.

– С тобой было хорошо.

– Было, – сказала она и заплакала.

Руки ее как были, так и остались на коленях. Ни вздохов, ни всхлипов. Только видно, как слезы текут по щекам.

– Мне плохо без тебя.

Валентин промолчал. Он знал, что был для Лиды всем – и первым ее мужчиной, и первой ее настоящей любовью. Но сказать, что он понимает, как ей тяжело, значило признать свое перед ней прегрешение... И слов не было, чтобы оправдаться перед ней. На душе такой камень, что, если бы он захотел уйти, сила тяжести не позволила ему встать на ноги. И еще сама Лида обрела силу притяжения...

– Ладно, извини. Не буду лезть к тебе в душу. Не буду мешать твоему счастью.

Похоже, ей тоже тяжело было подняться. Пересиливая себя, Лида медленно встала на ноги, но Валентин удержал ее. Столько нежности, столько тоски по прошлому нахлынуло вдруг, что Кристина просто утонула в этом водовороте.

– Постой!

Лида села, и он привлек ее к себе.

– Извини... Прости...

Он целовал ее в щеки, в губы – порывисто и нервно, как одержимый. Он даже причинял ей боль резкими шквалистыми движениями, но девушка была так счастлива, что ничего не замечала...

* * *

Валентин не хотел никого обманывать – ни себя, ни Кристину. Поэтому с признанием он не тянул.

– Извини, но я должен остаться с Лидой, – сказал он, не смея поднять глаз на отвергнутую девушку.

Кристина долго переваривала услышанное. В глазах нарастало возмущение, на лице – изумление.

– А как же я? – наконец спросила она.

– Ей плохо, она не может без меня, – промямлил он.

– А мне что, хорошо без тебя?

– Нет... Но ты очень красивая, ты найдешь другого. А она никого не найдет...

– Я найду?! Я буду искать?! Да мне только пальцем пошевелить... А ей что, шевелить нечем? Такая страшная?

– Ну, зачем ты так? Она совсем не страшная... Она милая, – угрюмо изрек Валентин.

– А я говорю, страшная!.. И она тебе совсем не нравится! – отчаянно мотнула головой Кристина.

– Нравится... Я ее люблю...

Он действительно любил Лиду. Так любил, как никого не смог бы никогда полюбить.

– Не любишь!.. Ты не можешь ее любить! Ты лучший, а она... Она тебя приворожила, неужели ты этого не понимаешь? Это просто, кровь смешать, пот и слезы...

– И слезы, – кивнул Валентин.

Действительно, Лида его приворожила, но кровь и пот здесь ни при чем. Любовь, жалость и слезы, которые она лила по нему, – вот та приворотная смесь, которой она его к себе привязала. Он очень ее любил и не хотел, чтобы она страдала и плакала...

– Она тебя приворожила! – вспльчиво повторила Кристина.

– Ты ошибаешься, – не согласился он.

– Да нет, это ты ошибаешься, если думаешь, что я тебя обратно приму! Уйдешь – больше не приходи!

Ее угрозы не подействовали. Валентин собрался уходить.

– Извини, что так вышло, – сокрушенно вздохнул он и повернулся к ней спиной.

– Вышло?! – возмущенно вскричала она. – А когда входило, ничего, нормально было?.. Я ему невинность свою отдала, а он!.. Вот скажи мне, у тебя совесть есть?

Совесть у него была, поэтому он виновато вжал голову в плечи... Как это ни удивительно, но у Кристины он был первым мужчиной: кровь на простыне – яркое тому подтверждение... Он, конечно, не новичок в любовных делах, наслышан был о дамских ухищрениях, благодаря которым можно было выдать порочность за целомудрие. Но, судя по всему, Кристина не прибегала к уловкам. Да и насчет Кости Миронова он узнавал – был у него один знакомый из его окружения, – так вот, он утверждал, что Кристина с ним крутила динамо. И не только с ним...

И это правда, что ей не надо никого искать. Стоит ей только пальцем пошевелить, и поклонники в очередь выстроятся... Но ей не нужны другие, ей нужен Валентин. Она была счастлива с ним, а он ее бросает. Кому рассказать, не поверят...

– Но я должен быть с ней, – он умоляюще посмотрел на нее.

– Ну и черт с тобой! – всхлипнув, махнула на него рукой Кристина.

В глазах у нее стояли слезы, но Валентина они остановить не смогли.

* * *

Баню с друзьями новогодние планы не предусматривали, а в остальном ситуация чем-то напоминала ту, что должна была произойти в знаменитой «Иронии судьбы», если бы не пьяный вылет в Ленинград. Мама накрыла стол и ушла к соседке, а Валентин дождался свою Лиду и вместе с ней вспенил шампанское под бой курантов.

За окнами началась канонада, и он тоже собрался на улицу.

- Может, не надо? – поежилась Лида.
- Как же не надо? – удивился Валентин. – Мне что, в потолок ракеты пускать?
- Не надо в потолок.
- Тем более что ракеты на счастье.
- Ну, если на счастье, – неловко улыбнулась она.

Ей не хотелось никуда идти, но праздничная суматоха новогодней ночи так воодушевила ее, что вектор желания развернулся в обратную сторону. И показал на их с Валентином любимый сквер.

- Счастье будет, если с нашей лавочки ракету пустим, – весело сказала она.

Из четырех пиротехнических шутих три уже взорвали свой кусочек ночного неба. Осталась последняя, и Валентин унес ее в сквер, к любимой скамье, символу не будущего, а уже вполне осязаемого счастья. Он точно знал, что Лиду любил очень-очень, и о Кристине думал как о каком-то недоразумении. Хорошая она девушка, красивая, но Лида во сто крат лучше. Душевное тепло, домашний уют, телесный комфорт; и это при том, что в постель к ней тянуло со страшной силой...

Валентин думал, что в сквере будет много людей, но их любимое место почему-то пустовало. Где-то поблизости ходили и шумели люди, взрывались фейерверки и лопались салюты, а возле скамейки на перекрестке двух аллей никого – как будто на заказ.

Он воткнул рейку с ракетой прямо в снег, зажег фитиль.

- С Новым годом, с новым счастьем!

Но «счастье» почему-то не задалось. Ракета взлетела, зашипела, задымила, но не взорвалась.

- Плохой знак, – расстроилась Лида.

– Ерунда, – поспешил успокоить ее Валентин. – Просто наше счастье будет тихим... Ну, будешь шипеть на меня понемногу. А взрываться – нет, не будешь... Да и не надо взрываться. Надо, чтобы тихо было и спокойно...

Он посадил ее на скамейку, опустился рядом, крепко обнял за плечи, прижал к себе.

- Будем жить долго и умрем в один день, – сказала она.

Банальщина, но прозвучала свежо и сочно.

- Начинаем жить прямо сейчас, – он еще крепче обнял Лиду. – И здесь...

- Да хоть здесь, лишь бы всегда с тобой, – счастливо улыбнулась она.

И в это время за спиной со свистом поднялась в небо и взорвалась ракета. Вздогнув, Валентин обернулся и в нескольких метрах от себя увидел двух парней. У одного в руке пучок ракет, другой устанавливал в снег батарею салютов. Они были повернуты к нему спиной и на влюбленных не обращали внимания.

- Кто там? – забеспокоилась Лида.

- Циолковский и Королев, через тернии к звездам, – пошутил он.

- Что у них, ракеты?

- Ага, «Протон» и «Союз». Лишь бы в нас не зарядили.

- Может, пойдём отсюда?

- А везде стреляют.

- И то верно... И не хочу я уходить. Так хорошо с тобой...

С пронзительным визгом в небо пальнула новогодняя «катюша». С шумом разлетелась одна ракета, другая. Лида невольно дернулась.

- Расслабься, – весело посоветовал ей Валентин.

И она послушалась: ее тело размякло в его объятиях.

– И никогда ничего не бойся, – сказал он, обняв ее обеими руками. – За мной как за каменной стеной... Ты меня слышишь?

Ему показалось, что Лида совершенно потеряла над собой контроль: слишком уж сильно потяжелело ее тело.

– Эй, что с тобой? – он взял ее за плечи, заглянул ей в глаза.

Они были распахнуты широко, но безжизненно. Остановившийся взгляд застекленел.

– Лида!

Он почувствовал что-то липкое на руке; глянул и увидел размазанное красное пятно. Этой рукой он обнимал ее, поддерживая за спину... В спине, в кроличьей шубе он обнаружил маленькое отверстие, из которого и сочилась кровь...

Только сейчас он понял, почему Лида дернулась в его объятиях, почему так тяжело обмякло ее тело... «Катюша» выпустила в небо последний заряд, но возле нее никого уже не было. Но все же Валентин успел засесть пиротехников; они бежали прочь от него по заснеженному пространству между дорогой и аллеей. Деревья в сквере стояли без листвы, и беглецы не смогли в них затеряться. Но промедли Валентин хоть чуть-чуть, они бы скрылись из вида.

Невозможно было осознать и переварить абсурд происходящего. Времена в стране, может, и смутные, но кому могла помешать безвинная Лида настолько, чтобы ее убивать? А в нее стреляли. И если бы Валентин не заподозрил неладное сейчас, он бы навсегда утратил шанс наказать виновников ее гибели... А он должен их наказать. Сначала рассчитаться с ними, а затем все остальное...

Уложив коченеющее тело на скамью, он бросился в погоню за беглецами.

Спортом он занимался с юности – и бегать умел, и драться. А подонки, за которыми он гнался, быстрыми ногами похвастать не могли. Один бежал хуже другого, он-то и отстал от своего дружка метров на двадцать, когда его нагнал Валентин.

Он ударил убегающего противника – с прыжка, коленкой в спину. Тот упал, но сразу же поднялся, развернувшись к нему спиной. Валентин снова ударил его; метил ногой в живот, но убийца извернулся и подставил под удар бок, защищенный рукой. От следующего захода он спастись не смог – верхним ребром ладони Валентин ударил его в шею. Парень пошатнулся, но не упал. На полусогнутых подался назад. Лихорадочно сунув руку в карман, вытащил оттуда нож. В свете уличного фонаря тускло блеснуло стальное жало.

– Ну, все, падла, молись! – хищно прошипел подонок. – Попишу, суку!

Блатной жаргон, хищный оскал, неистовый блеск в глазах... Валентин занимался каратэ, но знал множество приемов из самбо. Сколько раз на тренировках он разоружал таких вот врагов, как этот. Но то тепличная практика, а на улице все по-другому. Тем более что противник, судя по всему, тертый калач. Достаточно было глянуть на его физиономию, чтобы признать в нем прожженного уголовника. А этот ужасный говор на блатном растяге... Валентин ощутил предательскую тяжесть в руках и холодок в коленях. А враг приближался, размахивая ножом. К тому же в любой момент мог вернуться его дружок, а у него в арсенале не только нож, а, возможно, и пистолет.

– Ур-р-рою гниду! – рычал он.

Он был настолько грозен, что у Валентина родилась изменническая мысль бежать от него сломя голову. Возможно, он бы так и поступил, если бы не другая мысль. Эта сволочь убила Лиду, и его подлое злодеяние не должно остаться безнаказанным... Он знал, как выбить нож из руки противника, но первый блин, увы, обернулся комом, а точнее, распоротым рукавом на куртке. Возможно, лезвие задело и кожу предплечья, но Валентин был не в том состоянии, чтобы замечать боль. Он снова подставил блок под удар, и на этот раз смог надежно зафиксировать руку с ножом. Блок, захват, бросок через бедро, удар на добивание. Удар, еще удар...

– Сука!.. Тварь!.. – взбешенно ревел Валентин, не в силах остановиться.

Этот ублюдок убил его любимую девушку, он украл у него счастье...

– Как ты мог, падла! На тебе! На!!!

Лида самая любимая, сама лучшая... Была. Нет ее больше. Нет! И никогда будет!!!

– Какая же ты мразь!.. Убью!!!

Ненависть мучила сознание, лишала способности чувствовать усталость. И неизвестно, как долго бы продолжалось избиение, если бы чьи-то сильные руки не схватили Валентина сзади и не оттащили от жертвы.

В суматошном состоянии рассудка он решил, что это подоспел второй убийца, и ударил противника локтем в голову.

– Вот сука! – взревел тот.

– Получи! – крикнул кто-то другой.

Что-то тяжелое и твердое с силой опустилось на затылок, и в голове у Валентина шумно закрутилась карусель. Сознание он не потерял, но и на ногах удержаться не смог. В сумеречном состоянии он почувствовал, как его руки оказались за спиной и как на них защелкнулись браслеты наручников.

* * *

Оперативник из уголовного розыска смотрел на него, как Гитлер на красный флаг. Большой, внушительный, грозный, он сидел на столе, буквально нависая над Валентином.

– Ну и что ты за человек такой? – дыхнув на него коньячным букетом, басом спросил он. – Люди отдыхают, праздник на дворе... На дворе... А из-за тебя на дворе дрова. Травы нет, а на снегу трупы... Чем тебе эта пара мешала?

– Какая пара? – недоуменно посмотрел на него Валентин.

– Только не надо: какая пара, – скривился капитан. – Девушку застрелил, парня до смерти забил...

– До смерти? – не поверил он. – До смерти забил? Кто? Я?!

– Головка ты... Ты ему кость височную проломил. А это летальный исход... Два трупа на тебе, парень... Пистолет куда дел?

– Какой пистолет?

– Из которого ты девушку убил... Куда ты его выбросил?

– Я не выбрасывал... А девушку я не убивал. Это моя девушка, Лида ее зовут. Мы с ней на скамейке сидели, а они петарды взрывали. Мы думали, что петарды, а у них пистолет был. Кто-то из них в Лиду выстрелил, а убежали оба... Я за ними, одного догнал, а второй убежал...

– Может, научишь? – ехидно спросил опер.

– Чему? – не понял Валентин.

– А врать так складно!.. Кого ты лечишь?.. Ты двух человек убил. Двух!.. Где пистолет, спрашиваю?

– Не знаю!.. Лида – моя девушка, я ее не убивал. Я за нее мстил... Да вы у мамы моей спросите, с кем я Новый год встречал, она вам скажет, что с Лидой... А потом мы в сквер пошли, сидели себе на скамейке, а тут эти... Не знаю, кто из них в нее стрелял. Они за спиной были, а выстрела я не слышал. То есть слышал, но думал, что это фейерверки... Смотрю, она мертвая, обернулся, вижу, а они бегут...

– Кто они?

– Ну, я же говорю, которые фейерверки пускали, у нас за спиной... Кто-то из них стрелял...

– Ты это видел?

– Нет. Но больше некому!

– Ладно, допустим, свою девушку ты не убивал. Но тогда кто это сделал? – спросил капитан, пристально всматриваясь в Валентина.

– Так я же говорю: кто-то из них двоих.

– А кто конкретно?

– Я не видел... Но я видел, как они бежали!

Валентин искренне полагал, что его логика безупречна. Но, похоже, оперативник не разделял его мнение.

– А если они просто побежали? Мало ли, замерзли, решили согреться.

– Тогда кто стрелял?

– А вот этого я не знаю.

– Они стреляли!

– Но ты же этого не видел!

– Нет, – сконфуженно пожал плечами Валентин.

– И никто не видел... Так что, выходит, мстил ты, парень, невиновному... А месть – это противозаконное деяние, а если оно еще и отягощено летальным исходом... Короче, попал ты, парень. Крепко попал.

– Но как же невиновный! Он же уголовник! У него нож был!

– Если нож, это еще не значит, что уголовник...

– Он убить меня хотел! Вот, руку мне порезал!

– Он защищался...

– Но ведь нож – холодное оружие!

– Если лезвие не гнется, то холодное, – кивнул опер. – А у него обычный нож был, кухонный, лезвие тонкое... А если оружие, что с того? Его к ответу не привлечешь, мертвые сроки не имут...

– Он же уголовник, я знаю, – на последних остатках самообладания простонал Валентин. – Он говорил, как уголовник. Я знаю, что такое блатной жаргон...

– Откуда ты знаешь? Срок, что ли, мотал?

– Нет, в кино слышал...

– Кино твое только начинается. Лет пятнадцать за убийство получишь... Можно, конечно, уменьшить срок. Но это еще заслужить надо. Чистосердечное признание и принародное покаяние – вот твой путь к спасению. Признаешься, что убил свою девушку и сорвал зло на случайном прохожем, и суд тебя... э-э, не оправдает, на это можешь не рассчитывать, но снисхождение – да, будет... Получишь лет десять, отсидишь, выйдешь живым и здоровым... Сколько тебе сейчас лет?

– Я не убивал Лиду, – упрямо мотнул головой Валентин.

– Да, но ты убил случайного прохожего.

– Он не случайный прохожий. Он – убийца.

– А доказательства есть? Где пистолет, из которого он стрелял?

– Может, не он стрелял? Может, его дружок? А он убежал.

– Ага, ветер в поле потерялся, – криво усмехнулся оперативник. – Вилами по воде твои аргументы писаны. Нет оружия, нет свидетелей... Да что там, если ты сам ничего не видел... Или видел?

– Врать не буду, не видел.

– Ну, вот и не ври больше. Скажи, кто девушку твою убил?... Или она не твоя?

– Моя.

– Вижу, что не врешь... Дальше давай по-честному. Кто ее убил?

– Не знаю.

– Ну вот, ты уже не знаешь. Уже теплей... Скажи, что сам ее убил, и будет горячо.

– Да не убивал я ее!

– Тогда кто это сделал?

– Ну, те, двое! Кто-то из них!

– Зачем они ее убили?

– Не знаю...

– Вот видишь, ты не знаешь. И они не знали, за что им убивать твою девушку. И они ее не убивали... А у тебя, возможно, были причины от нее избавиться.

– Какие причины?

– А тебе видней...

– Не было у меня причин! Я очень люблю Лиду! Я не мог ее убить... И где тогда пистолет, если это сделал я?

– Вот я и хочу узнать, где он?

– Тот, второй, его унес. Он быстрее бегал, поэтому и убежал. А его дружка я догнал...

– И убил... Плохи твои дела, парень. Тут даже не превышение пределов самообороны. Здесь чистой воды умышленное убийство. А это многих лет стоит... Взял бы на себя убийство девушки, скидку бы получил. Ты же должен знать, если оптом, то скидка...

– Что вы такое говорите? – как на чудовище посмотрел на оперативника Валентин. – Это люди. Понимаете, люди! Какой здесь может быть опт?

– Это уже не совсем люди. Это трупы. И сделал их ты, оптом... Давай, бери ручку, пиши признание. Так, мол, и так, из ревности убил свою девушку, а затем и парня, с которым она тебе изменяла... Если ты не знаешь, то я тебе скажу, что за убийство из ревности много не дают. Сильное душевное волнение, все такое... А пистолет... – капитан на секунду задумался. – А пистолет ты выбросил. Куда, не помнишь...

– Ничего я не выбрасывал. И писать ничего не буду.

Валентин упорно стоял на своем – в Лиду он не стрелял, а виновника ее гибели убил, потому что не смог рассчитать силы. В конце концов оперативник сдался и перестал требовать от него признания в двойном убийстве. Но от тюремной камеры Валентина это не спасло.

* * *

Изолятор временного содержания, этап на Бутырку, «сборка», баня-прожарка... В тюремную камеру, где он должен был находиться до суда, Валентин входил с опущенной головой. Моральная усталость, физическое истощение, тоска и безнадега...

– Давай быстрее! – надзиратель подтолкнул его в спину и поспешил закрыть дверь, как будто боялся, что из камеры на него хлынут злые осы.

У порога лежало белое полотенце, и Валентин едва не наступил на него. Остановившись, он поднял его и перебросил через край ржавой умывальной раковины.

– Западло, – презрительно и с насмешкой сказал кто-то из глубины камеры.

Валентин поднял глаза, и между нарами увидел стол, за которым сидели обитатели тюремного мира. Камера была переполнена – на одном спальном месте ютилось по два-три человека. Но эти представители арестантского общества резко отличались от прочих. Независимый вид, насмешливо-снисходительные взгляды, уверенность в каждой мелочи их внешнего и внутреннего облика. Валентин почти неделю провел в камере предварительного заключения, поэтому сразу понял, с кем имеет дело. Блатной комитет тюремной камеры: воры, авторитетные бандиты, словом, уголовный сброд, от которого старается избавиться общество нормальных людей.

Их было пять человек, и все они беззастенчиво пялились на него. Как будто ждали его, как будто знали, что к ним в камеру пожалует очередной арестант... Ждали. Валентин похолодел от мысли, что его действительно ждали. Потому и полотенце перед входом постелили, чтобы посмотреть, как он на него отреагирует... Он не знал, что нужно делать в таких случаях, но ему объясняли, что в тюрьме нельзя ничего поднимать с пола. А он поднял. Поэтому и услышал в свой адрес осуждающую реплику. Тюрьма – не детский сад, здесь прощение не попросишь. Да и время обратно не повернешь, чтобы отмотать назад хотя бы три-четыре минутки.

– А ты что, паря, всем все поднимаешь? – спросил крепкого сложения мужик с черными как смоль волосами.

Жгучий взгляд, зловещая улыбка, подавляющая энергетика уверенного в своих силах человека.

– Я?! Я ничего не поднимаю, – поторопился мотнуть головой Валентин.

Он мог бы дать отпор кому-нибудь одному из этой пятерки; возможно, смог бы уложить двоих или даже троих, но у него не было сил тягаться со всеми, и эта мысль его угнетала.

– А я думал, ты подъемным краном работаешь... – ухмыльнулся жгучий. – Думал, ты нам всем тут поднимать будешь.

– Не буду.

– А ты ничего, пряничек...

Жгучий поднялся резко, но к Валентину подошел плавно. На расстоянии вытянутой руки остановился, пальцами бесцеремонно задрал его верхнюю губу.

– И зубы у тебя ничего...

Валентину ничего не оставалось, как заявить протест.

– Я тебе не конь!

– Ух, ты! Да он еще фыркает! – играя на публику, засмеялся жгучий. И, показав хищный оскал, нахраписто сказал: – Конь ты! Конь дареный! Менты нам тебя подарили, да, братва?

– В натуре, Артурчик, подарили, – гоготнул толстомордый тип с безобразным шрамом, поглотившим всю правую бровь.

– По какой хоть статье? – спросил тощий мужичок с необычайно сильным взглядом, от которого Валентин невольно поежился.

– Какая статья? – спросил жгучий, которого, как стало понятно, здесь звали Артурчиком.

– Сто пятая.

– Мокруха? И кого же ты зажмурил?

– Он мою девушку убил...

– Твою девушку убил? Вот это да! И ты его за это урыл? Ну, ты, в натуре, гигант!.. И чем ты его зажмурил?

– Бил долго... Бил, пока не убил...

– Чем бил?

– Гольми руками, – не без гордости сказал Валентин.

Пусть блатные знают, на что он способен.

– Ну, ты точно, Геракл! Ты чо, каратист?

– Да, занимался. Киокушинкай, контактный стиль...

– Ну, ты крутой, в натуре!

Голос Артура звенел от восторга, но в его глазах не было страха, зато зловещий юмор расплылся по воздуху, как сок из луковицы.

– И чего ж ты телку свою не защитил, если ты такой ломовой?

– Он из-за угла выстрелил...

– Так она что, телка?.. Ну, ты, в натуре, бык!.. А может, она коза?

– Зачем ты так? – нахохлился Валентин.

– А ты чего? – набычился Артурчик. – Я тебя спрашиваю, коза она или нет, а ты отвечай!

– Она не была козой.

– Ну, вот и нормально, – сбавив обороты, улыбнулся блатной. – Она не коза, а ты не козел...

– Ее нет, ее убили. И я не хочу говорить о ней.

– Ну не хочешь, твое право. У нас тут все чисто по понятиям. Ты мне вот что скажи: ты с ней целовался? Ну, когда она живая была?

– Я же просил, – поморщился Валентин.

– А я спросил... Так целовался или нет?

– Да. Только я не понимаю, зачем тебе это надо знать?

– А затем, чтобы про тебя узнать, кто ты такой, чем дышишь, в какую дуду дуешь... Целовался, значит, с бабой. А она у мужиков брала... Она брала, а ты с ней целовался... Ну и кто ты после этого?

– Она не брала! – шалея от возмущения, протянул Валентин.

Он подумал, что если бы не матрасный сверток под мышкой, он бы ударил Артурчика за такое оскорбление. Но постельные принадлежности ему очень мешали, а положить их было некуда.

– Все бабы берут! – наседал уголовник.

– А ты никогда не целовался?

– А разве я тебе говорил, что целовал баб? Нет, не говорил. И не было этого... Ты чо, прыщ, предьяву мне клеишь?

– За предьяву отвечать надо, – подал голос толстомордый со шрамом.

– Ответит, – недобро улыбнулся Артурчик. – Куда он денется с подводной лодки... А может, скидку ему сделаем, на неопытность, а? Мы же не беспредельщики, в натуре. Ну, не врезался в тему первоход, дубанул по тупости своей... Дубанул, паря? – спросил он.

– Ну, может быть, немного, – растерянно пожал плечами Валентин.

– По тупости своей? – прыснул Артурчик. – Ты что, тупой, в натуре?

– Нет.

– Ну как нет, если сам сказал, что дубил по тупости. Братва все слышала, да, братва?

Блатные дружно закивали, беспардонно насмехаясь над новичком.

– Ты вообще кто по жизни? – напряженно сощурился Артурчик. – Чем занимаешься?

– Студент я. Физико-технический университет...

– А зовут как?

– Валентин.

– Как?!

Артур был так изумлен, что на глазах выступили слезы.

– Валя?! Вот это финт!

Схватившись за живот, он сделал два-три шага назад.

– Братва, вы слышали, к нам Валя заехала?

– Я не Валя, я Валентин...

– А я сказал, – Валя! – резко подавшись к нему, отрезал Артурчик. И немного смягчившись: – Так и будем тебя звать. Валя-Валентина. Валя-Валюша, подуй мне в уши...

– Зачем в уши? Можно и ниже, – хмыкнул толстомордый.

– Ну да, – глумливо хмыкнул жгучий. – Есть ухо и пониже. А если он пяткой по этому уху? Он же у нас каратист! Людей мочит почем зря... Если тебя, Рыло, замочит? Как же мы без тебя, братан, будем?

– Кишка тонка.

– Ну, не знаю... Митюха тоже, говорят, не пальцем был деланный. А нет Митюхи...

Артурчик в упор смотрел на Валентина; взгляд жесткий, въедливый, глаза подвижные, ищущие.

– Ты же Митюху замочил, да?

– Я?! Нет! – шарахнулся Валентин.

– Ну что нет, если да... Митьку ты зажмурил. Сколыхов его фамилия... Ну, чего молчишь, бык беспородный?

Все встало на свои места, когда уголовник назвал фамилию человека, о котором шла речь. Именно его и убил Валентин в пылу праведного гнева, из-за него же и пострадал.

Следствие установило, что Сколыхов действительно был уголовником со стажем. Двадцать семь лет было парню, и уже две командировки в места не столь отдаленные. Кражи, разбой... Последним преступлением было убийство. Может, не он стрелял в Лиду, скорее всего это сделал его убежавший дружок, но Валентин на все сто процентов был уверен в том, что, так или иначе, он причастен к гибели Лиды. Правда, следствие не разделяло этой его уверенности. Убийство его любимой девушки на него вешать не стали, но за избиение с летальным исходом заключили под стражу. Будет суд, будет приговор...

Но, похоже, приговор ему уже вынесли. В уголовных кругах Митя Сколыхов пользовался определенным уважением, поэтому его смерть не могла остаться безнаказанной. Тюремная почта работает быстро, у блатных в казенном доме многое схвачено, поэтому в камеру к Артурчику Валентин попал неспроста. Полотенце, заковыристые разговоры – все это было только начало, артподготовка перед главной атакой. И если уголовники предпримут штурм, Валентин пропал. Ничто его не спасет...

– Ты хоть знаешь, кто такой Митюха? – с надрывом спросил Артурчик. – Да я с Митюхой срок мотал! Мы с ним одну пайку на двоих!.. Не, ну что мне с тобой делать, козел, а?

– Я... Он... Он мою девушку убил, – запаниковал Валентин.

– А этого я не знаю!

– Но это правда!

– А если правда, то что? Может, твоя телка три пера ему подарила, а? Или сифон... Это его дела, мочить ее или не мочить! А ты в эту тему зря влез. Ты фраер дешевый, твое дело молчать и в две дыры дуть, чтобы в третью не задуло... А ты дернулся, фраер. Ты Митюху сделал. За это ты ответить должен. И ответишь, это я тебе, Валя, слово даю... Братва, все слышали, я слово дал!

Валентин думал, что за убийство блатного подонка спрашивать с него начнут прямо сейчас. Но Артурчик и пальцем его не тронул. Показал на место, где он мог бросить свой матрац в обществе двух сидельцев. Место это находилось рядом с фанерной переборкой, за которой вонял унитаз, но Валентин иного и не ожидал.

Лежать и спать по очереди, еда и сортир в определенное время; смрад, теснота, чесотка под майкой – все это казалось ему сущим пустяком по сравнению с тем, что его ждало впереди.

– Да ты не бойся, – сказал сосед по несчастью.

Это был невзрачного вида гражданин в болоньевой куртке с дырявым шерстяным шарфом поверх поднятого воротника. Он сидел, обхватив себя руками, чтобы хоть как-то согреться. Его трясло как в лихорадке, и щеки красные. Жар у человека, а он еще и подбадривает. Валентин с благодарностью посмотрел на него.

– У нас здесь все по понятиям, – сказал он. – Артурчик хорохорится, но спросить с тебя не может, потому что права не имеет. Ну и что с того, если ты блатного замочил? У него что, на лбу его масть была прописана?

– Нет.

– Тогда в чем проблема?... Чтобы тебе кровь пустить, нужно, чтобы законный сход подписался, а такого нет... Да, была вчера малява по твою душу, чиркнул кто-то, что тебя в нашу хату закинут...

– Кто чиркнул?

– Я откуда знаю? Я так, в пол-уха слышал, блатные за дубком шептались, что завтра гость будет, встретить надо. Сильно, сказали, не обижать, так, пострашать немного... Артурчик тебя закошмарил, на этом и остановится...

– Он слово дал.

– Да это понты все... Его сейчас на суд возят, на днях приговор будет, его к осужденным переведут. А других тебе бояться нечего. Если, конечно, глупостей не наделаешь...

– Каких глупостей?

– А таких, за которые тебя опустить могут... Ты парень молодой, симпатичный... Небось, девки по тебе сохли? – с затаенной завистью спросил сосед.

Ему было лет сорок, и выглядел он для своих лет очень плохо. Землистый цвет лица, отеки под глазами, глубокие морщины на лбу. К тому же от него нехорошо пахло... Но и в молодости, в лучшие свои времена, вряд ли он когда пользовался успехом у женщин: крупные и размытые черты лица, широкий и длинный нос, тупо подрезанный подбородок. И глазки маленькие, неприятные...

– Ну, не то чтобы сохли, – натянуто улыбнулся Валентин. – Но бывало...

Одна история с Кристиной чего стоила. Такая красавица по нем сохла... Валентин нахмурился. Уж не она ли натравила блатных на Лиду? Сколько раз он задавал себе этот вопрос и всегда отвечал «нет». Не водила Кристина дружбу с уголовниками, это во-первых. А во-вторых, она давно уже успокоилась, и у нее был парень, с которым у нее серьезно. И в-третьих, не стала бы она рисковать своей свободой ради того, чтобы заполучить Валентина. И она не такая дура, и он не такой уже ценный индивидуум, чтобы идти из-за него на преступление... Ну, а если все-таки она?

– Эй, парень, что с тобой? – толкнул его в бок сосед. – Куда ушел?

– Да так, задумался...

– Ты не зевай, ты вокруг смотри, а то мало ли что... Закуришь?

– Спасибо, не курю.

– А зря. Когда куришь, на душе легче становится, это я тебе точно говорю. А здоровье чего беречь? От курева оно здесь не убудет. Здесь всегда курят, всегда все в дыму, и ничего. Холод, сырость, кормежка – вот это смерть, а от сигарет только польза... На, угощайся. Хорошие сигареты, мне жена поставляет, дай ей бог здоровья...

Мужик достал из кармана куртки пачку сигарет, одну протянул Валентину.

– Ну, спасибо.

Отказываться он не стал, о чем скоро пожалел. Крепкий горький дым обжег слизистую горла и легкие. Голова закружилась, затошнило. И еще кашель продрал глотку.

– Ничего, по первому разу так бывает.

– Нет, больше я не буду.

– Ну, как знаешь!

Мужик забрал у Валентина сигарету, блаженно затянулся. Какое-никакое, а счастье.

Беда пришла вечером, после проверки. К соседу подошел приклатненный паренек и потребовал явиться на разбор к смотрящему. Валентин высунул голову из своего шаткого убежища, наблюдая за сценой. Блаткомитет во главе с Артурчиком сидел за столом, а Пахомыч, как звали соседа, стоял перед ними навтыжку. От страха он даже забыл, что у него жар.

– Ну что, гнида, не зря мы тебя на выселках держали? Почему не сказал, что в контакте был? – строго и с презрением спросил смотрящий.

– Так это, страшно же! – в ужасе сжался в комок мужик.

– Страшно, когда убивать будем... Кого ты зашкварить успел, петушина?

– А-а, никого... Соседа ко мне посадили, он у меня курить брал...

– Какого соседа? Валю, что ли? – осклабился Артурчик.

События закрутились со страшной скоростью. Соседа уголовника отправили спать под нары, а ничего не понимающего Валентина выдернули к столу.

– Так ты у нас еще и зашкваренный? – злобно усмехнулся Артурчик.

– Я... Я не знаю, – замотал головой Валентин.

– Ты не знаешь, а мы знаем. С петухом спелся, угод?

– С каким петухом?

– А сосед твой – петух законтаченный. И тебя, Валюшу, зашкварил... Митюху мы тебе еще можем простить, а это – нет! Теперь ты у нас тварь запомоенная! И твое место на вокзале!

Артурчик показал ему на место под нарами возле самой двери.

– Здесь жить будешь... Но сначала парашу языком вылижешь!

Только сейчас Валентин понял, насколько крепко он влип... Ну как же так, Пахомыч предупредил его, что нужно опасаться глупостей, но сам его и подставил. Сам оказался лагерным петухом, и его за собой потянул. Отныне, по тюремным законам, Валентин становился человеком, а если точнее, существом низшего сорта. Теперь любой мог вытереть об него ноги. И не только ноги...

– Не буду я ничего вылизывать! – встал в позу он.

Терять ему теперь было нечего. И если кто-то захочет над ним поглумиться, пусть подходит, пусть получает.

– Вылижешь, – хищно усмехнулся Артурчик. – Ты у меня все, сука, вылижешь!.. Пошла на место, Валюша!

Под нары Валентин полез без сопротивления. Бросил на пол матрац, растянулся на нем. Как это ни странно, но здесь он почувствовал себя в безопасности. Но, как оказалось, это была всего лишь иллюзия.

Часть первая

Глава 1

Вооруженное ограбление – дело серьезное. Особенно если это нападение на инкассаторскую машину с применением автоматического оружия. Да еще с летальным исходом... Давненько в Битове не случилось такого безобразия, но раз уж произошло, надо закатывать рукава и браться за работу – в надежде, что инцидент этот единичный, а преступление будет раскрыто.

Инкассаторская «Нива», а если точнее, спецавтомобиль «Лаура» песочного цвета с зеленой полосой стоял недалеко от входа в банк. Стекла и кузов побиты пулями, одно боковое окно выбито. В машине три трупа... Одного этого уже достаточно для того, чтобы схватиться за голову. А если знать, что преступники безнаказанно ушли... Но Степан Круча внешне был спокоен. И сигарету к губам он подносил неспешно, степенно. Правда, затягивался слишком глубоко, что могло свидетельствовать о его внутреннем волнении.

– Как же так, спецмашина – и в решетот! – возмущенно протянул майор Комов, рассматривая пулевые отверстия в кузове и стеклах автомобиля.

– А что машина? – скривился эксперт Воронков. – Это же «Нива», самый дешевый вариант. Второй или третий класс защиты... Второй от «ТТ» предохраняет, а третий от автомата...

– Из автомата стреляли, – сказал Комов.

Люди, звонившие и вызывавшие милицию, утверждали, что инкассаторов расстреляли из автоматов. Сотрудники вневедомственной охраны, первыми прибывшие на место, утверждали то же самое. Об этом же свидетельствовали автоматные гильзы, разбросанные по земле. И судя по множеству пулевых отверстий, по их размеру можно было догадаться, из какого оружия велась стрельба. Налетчики не жалели патронов. И действовали очень быстро – инкассаторы даже не успели вытащить оружие. Они сидели боком к нападавшим, поэтому бронежилеты их не спасли. К тому же далеко не всякий «броник» может остановить автоматную пулю. Тем более, если стрелявшие метили в голову...

– Автомат автомату рознь, – небрежно усмехнулся криминалист. – Третий класс – это против «АК-74». А если это «АК-47», то уже четвертый класс нужен...

– А если еще бронебойную пулю применить, тогда и пятый класс не выдержит, – решил Комов.

– Просто бронебойных пуль у «АКМ» не бывает, – сказал Круча. – Есть бронебойно-зажигательные, с закаленным стальным сердечником...

– А зажигания здесь точно не было, – кивнул эксперт, пальцем очертив овал вокруг пулевого отверстия. – Но стреляли в упор...

Степан осмотрелся по сторонам. Отделение банка находилось в центре города, но в тихом, малолюдном месте. С одного торца здания находилась культурно-парковая зона, с другого – железобетонный забор, огораживающий территорию детской клиники. В эту же ограду банк упирался и задней своей стороной. Подъехать к зданию можно было только с переднего фасада, со стороны дороги, за которой длинным рядом тянулись пятиэтажные «сталинские» дома. От этой дороги – с односторонним движением – к автостоянке перед входом в отделение банка тянулся подъездной путь, ширина которого не позволяла разъехаться двум встречным машинам. А судя по всему, автомобиль преступников находился на стоянке; и если бы ему преградила путь случайная машина, они бы могли застрять здесь...

От размышлений Степана оторвал капитан Косыгин, прибывший на место в составе оперативно-следственной группы.

– Товарищ подполковник, свидетель есть, он все видел... Правда, он не совсем вменяемый...

Как это иногда случается, свидетелей происшествия на месте не оказалось. Банковские работники ничего не видели, только слышали длинные автоматные очереди. Случайные прохожие испарились до приезда милиции. Видеокамеры в отделении банка работали все, за исключением той, которая выходила на стоянку перед главным входом. Но на то и существуют опера, чтобы доставать свидетелей из-под земли.

– Что значит не совсем вменяемый? – спросил Комов.

– Ну, не совсем адекватный.

– М-да, объяснил. Разменял хрен на редьку... Где этот невменяемый?

– В машине... Говорит, что это он вызвал милицию. Домой ехал и позвонил...

– Так он где сейчас, дома или где?

– Здесь. Ехал домой, но не доехал. Вернулся... Он под ленточкой оцепления машину поставил, но выходить не стал. Я сам к нему подошел. Смотрю, мужик сидит, лицо бледное...

Косыгин подвел Степана к серебристому «Мерседесу», из которого вышел представительного вида мужчина в деловом костюме и дорогих диоптрических очках. Узел галстука так был сдвинут, что пропал где-то под воротом расстегнутого пиджака. И лицо у мужчины действительно бледное, ни кровинки на щеках. В трясущейся руке дымящаяся сигарета.

– Вы меня извините, я, наверное, не должен был уезжать... – нервно зачастил он.

Рука его тряслась так, что, пытаясь сунуть сигарету себе в рот, он ткнул кончиком фильтра в ноздрю.

– Но мне стало так страшно, что я не знаю. Но на «02» я позвонил...

– За это вам, конечно, спасибо. Я так понимаю, вы хотите нам что-то сообщить, – сказал Степан, своим внешним спокойствием пытаясь настроить его на серьезный и обстоятельный разговор.

– Да, конечно, – лихорадочно кивнул гражданин. И сбивчиво, скороговоркой: – Они выскочили из машины и давай стрелять...

– Кто они? – перебил его Комов.

– Ну, грабители, конечно же!.. Инкассаторы сели в свою машину, а тут эти, и давай стрелять...

– Так, давайте начнем все по порядку, – сказал Круча, легким движением руки коснувшись плеча мужчины. – Кто вы, как вас зовут?

– Агашков Юрий Дмитриевич.

– Где вы работаете?

Ему было все равно, где работает свидетель, но ему нужно было привести его в адекватное состояние, поэтому и пошли в ход установочные вопросы.

Агашков работал коммерческим директором рекламной фирмы, проживал в Битове, имел счет в Сбербанке, что, в сущности, сегодня и привело его к месту происшествия.

– Хотел денег в банкомате снять, подъезжаю, смотрю, инкассаторская машина стоит, – успокоившись, рассказывал мужчина. – «Нива» мне не мешала, можно было бы подъехать к банку, встать возле джипа, но что-то мне во всем этом не понравилось...

– Что «в этом»?

– Ну, инкассаторская машина и этот джип... Я же слежу за событиями, знаю, как часто грабят инкассаторов... Как в воду смотрел... В общем, я обратно решил повернуть, там по пути другой Сбербанк есть. А как повернуть? На пяточке пока развернешься, легче задом на дорогу вывернуть, а там, как назло, машина за машиной, машина за машиной... Смотрю, целая вереница идет, а тут закурить захотелось. Дай, думаю, закурю, а потом поеду. Достая сигареты, смотрю, из банка двое выходят. Идут, по сторонам смотрят. У одного сумка в руке, другой руки на кобуре держит, ну, пистолеты у них где. Тот, который с сумкой, в машину садится, а

другой стоит, на джип смотрит. Как будто заподозрил что-то... А ведь не зря он на этот джип смотрел. Пока они в машину садились, в порядке все было. А как только сели, началось. Из джипа двое выскочили... Я бы так и сказал, что выскочили. То есть говорю. Потому что правда выскочили, как черт из табакерки... В общем, оба с автоматами. И сразу стрелять. По «Ниве». Пока шли, стреляли. А потом и третий появился. Эти двое уже стрелять прекратили, один на «Ниву» автоматом тычет, а другой вокруг автоматом водит. И прямо на меня... Я же недалеко стоял... У меня сигарета из руки вывалилась, на брюки упала, хорошо, я ее зажечь не успел, а так бы прожгло... Да бог с ней, с сигаретой-то. Они же убить меня могли!

– Не убили же.

– Нет... Этот, третий, он с кувалдой был. Стекло вышиб, руку в салон просунул, сумку с деньгами забрал и обратно в свой джип...

– А вы где в это время стояли? – спросил Степан, глядя на узкую горловину подъездного пути, через который могли убраться преступники.

Именно на это место и показал Агашев. Там он и стоял на своей машине, пытаясь выехать на заполненную дорогу.

– Как же тогда преступники уехали? – спросил Круча.

– Я думал, они на меня поедут, даже глаза закрыл! – свидетель зажмурил глаза, показывая, как ему было страшно. – А они через бордюр, по траве и на дорогу... У них же джип! Колеса большие, клиренс высокий, да что там говорить...

– И куда поехали?

– Поехали, – усмехнулся Агашев. – Погнали! А куда, так дорога в одном направлении, – он махнул рукой в сторону автодвижения. – Машины медленно едут, а они как чокнутые... Да они и есть чокнутые!

– Чокнутые или не чокнутые, а сумку с деньгами увели, – с мрачным видом изрек Комов. – А в сумке два с половиной миллиона рублей.

– Сколько?! – округлил глаза гражданин. – Я в год столько не зарабатываю!

– Нам бы столько не зарабатывать, – все так же мрачно хмыкнул Федот.

– Ну, это не так уж и много, поверьте. Но если зараз!..

– Зараз три трупа. Вот что у нас тут вышло зараз, – угрюмо глянув на свидетеля, сказал Степан. – Я бы не советовал вам таким способом зарабатывать деньги.

– Ну, нет, что вы! Я бы на такое не решился!

– А за то, что не испугались показания дать, с меня фунт изюму, – насмешливо сказал Комов. – Как выглядели преступники?

– Ну как выглядели! Обычно выглядели... Один в джинсах и свитере, большой такой, другой, который поменьше, этот в спортивном костюме был, серый с белым, ну а третий... Тоже в спортивном костюме, кажется. И тоже большой, даже крупней первого... И кувалда у него тяжелая. Как даст по стеклу... Сумку забрал и обратно, и те двое за ним. Сели и уехали... Мне кажется, что все так долго было. А если разобраться, то в минуту вложились. Быстро у них все получилось...

– В чем они были?

– Я же говорю, джинсы, костюмы...

– Маски, перчатки?

– А-а, маски!.. Нет, масок не было. И перчаток тоже не было... Нет, не было... А может, и были перчатки, там все так быстро было, да и вообще...

– А масок точно не было?

– Точно... Я глаза их видел... Ну, не всех видел, а того, который автомат на мою машину направил...

– Опознать его сможете? – взбудренно спросил Степан.

Судя по всему, грабители действовали быстро и слаженно. И автоматы у них были, и джип, с помощью которого они беспрепятственно ушли с места преступления. Но почему они работали без масок? Их можно было понять, если бы они знали, что направленная на них видеокамера скрытого наблюдения не работает. Но они не могли этого знать, потому что причиной неисправности был обычный русский бардак. Неисправность обнаружили еще позавчера, но до сих пор не починили... А может, все-таки преступники разладили видеокамеру? Надо будет с этим разобраться, подумал Круча.

– Оpoznать? Да, наверное, смогу... Да не наверное, а смогу... – Агашев задумался, устремив к нему застывший взгляд. – Даже этот, фоторобот составить могу. Память на лица у меня хорошая...

– А джип какой у них был? – спросил Круча.

– Ну, какой? Кажется, «Форд». Красный такой, с фонарями на крыше, с кенгурятником... Старый да... И сам по себе старый, и модель устаревшая...

– Номера не запомнили? – снова влез в разговор Комов.

– Номера? Нет, номера не запомнил. Не до того было, – мотнул головой Агашев.

Степана мало интересовали номера на машине. Он был уверен, что грабители воспользовались угнанной машиной, как обычно бывает в таких случаях. С момента преступления прошло не меньше часа, а это значит, что они далеко-далеко, а красный джип, скорее всего, стоит где-нибудь брошенный. В городе уже действует план «Перехват», но результатов пока нет. И, возможно, уже не будет...

– Стекла у «Форда» затемнены были? Или нет? – спросил Круча.

Свидетель утверждал, что инкассаторы с особым вниманием отнеслись к джипу. Но при этом они не приняли необходимые меры предосторожности, которые могли их спасти. Почему?

– Э-э, я бы не сказал, что ничего не было. Но так, не самая сильная тонировка. Я бы сказал, слабая...

– Было видно, что в машине люди сидят?

– Да... Вроде бы да...

Теперь Степан понимал, почему преступники были с открытыми лицами. Они боялись испугнуть инкассаторов, которые обратили на них внимание. А будь они в масках, им бы не позволили свободно выйти из машины... Действовали они грамотно, с учетом пробивного действия своих автоматов. Они дождались, когда инкассаторы сядут в свою машину, расслабятся, и только тогда пошли в атаку. А на то, чтобы натянуть маски, у них попросту не было времени...

– Неплохо сработано, – сказал Комов. – Видно, что готовились. Автоматы, кувалда... Но лица, я так понимаю, засветили. Прокол...

– Одно лицо! – поправил его Агашев. – Одно лицо я точно смогу составить!

– Ну, кто-то одно лицо составит, кто-то другое... Я думаю, еще будут свидетели. А вам, Юрий Дмитриевич, надо бы проехаться в отделение. Составим фоторобот, нюхнем сто грамм табаку для успокоения души...

Комов забрал свидетеля и вместе с ним уехал в отдел. Круча остался на месте. Он ждал высокопоставленное начальство, в чьем визите нисколько не сомневался. Преступление громкое и дерзкое – без внимания больших чинов и прессы никак не обойтись...

Глава 2

Изображение с корпусной видеокамеры поступало на черно-белый монитор, но даже так можно было понять, что костюм на женщине яркой расцветки. И сама она должна была быть яркой – хоть Валентин и не видел ее лица, но интуитивно это чувствовал. А видел он, что женщина смахнула с полки пару шоколадок, но сунула их не в корзину, а в сумочку. С этой добычей она направилась к кассе, но Валентин перегородил ей путь. Лучше бы он этого не делал...

Он узнал воровку, и ему пришлось поднапрячься, чтобы сохранить невозмутимость на лице.

– Валентин?! – удивленно повела бровью Кристина.

Это была она. Такая же красивая, но более эффектная и стильная. Мисс Совершенство. Или миссис?.. Он невольно скользнул взглядом по пальцам на ее правой руке. Да, на безымянном пальце обручальное кольцо...

– Сколько лет, сколько зим!

Все та же загадочная улыбка, все тот же волнующий грудной голос. И плюс к тому высоковольтный потенциал эротического поля, чего раньше в ней особо не наблюдалось.

– Семь лет, восемь зим... – быстро подсчитал он.

– Что-то ты мне совсем не рад, – насмешливо, но с досадливой искринкой в глазах заметила она.

– Сделай паузу, скушай «Твикс», – так же насмешливо, но без улыбки сказал Валентин.

– Это ты о чем?

– У тебя что, kleптомания?

Глядя на Кристину, трудно было заподозрить ее в финансовой несостоятельности. Дорогая женщина с коммерческой точки зрения. Модный костюм от кутюр, сумочка и туфли из одного и, видимо, эксклюзивного гарнитура. А как ухожена... Только одна прическа тысяч на десять, не меньше... Зачем же она тогда ворует? Нервы пощекотать?

– В каком смысле? – Кристина возмущенно сдвинула истонченные брови.

– Шоколадки на место положи, – потребовал он.

– Ах, вот оно что!.. Ну да, ты же охранник, – сказала она с таким видом, как будто только что увидела на нем черную униформу с желтой наклейкой над левым нагрудным карманом.

– Шоколадки, говорю, на место положи, – продолжал настаивать он.

– А почему так грубо? Почему на «ты»?

– Ты издеваешься?

– Нет, просто мне смешно. Из-за каких-то шоколадок и такой тон...

Она не выглядела напуганной или хотя бы растерянной. Похоже, во всем происходящем она видела для себя увлекательное приключение.

– Мне что, принять меры?

Зато Валентин был в замешательстве. Кристина ему не друг, но как бы и не враг – если, конечно, опустить некоторые и малообоснованные подозрения на ее счет. Он не желал ей зла, во всяком случае, сейчас. Поэтому хотел разойтись с ней миром. Но, судя по всему, она этого не хотела.

– Какие меры? – с дразнящей пульсацией в голосе спросила она.

– Я сейчас уйду, а ты положишь шоколадку на место. И я тут же обо всем забуду...

– А что дальше?

Кристина говорила громко, на них уже косились, в том числе и кассирши со своих мест. Если сейчас подойдет старший администратор супермаркета, скандала не миновать. Оксана – баба молодая и даже красивая, но с мужиками ей не везет, оттого и ходит злая. А с Валентином

у нее особые отношения, поэтому связываться с ней себе дороже. Кражу совершила покупательница, а виноват будет он...

– Ты своей дорогой, а я своей, – тихо сказал Валентин.

– А какая у тебя дорога? Чужое добро охранять? Так охраняй, чего стоишь? Обыскивай, если в чем-то меня подозреваешь!

– Зачем обыскивать? Шоколадки у тебя в сумочке.

– Тогда обыскивай сумочку... Хотя нет, это не интересно...

Кристина смеялась над ним, в глазах провокационное веселье. Она не считала его за человека, но при этом явно на что-то напрашивалась.

– Неинтересно, – кивнул он. – Тем более что права я не имею.

– А меня обыскать?

Если женщина может облизываться взглядом, то именно это с Кристиной сейчас и произошло. Но, скорее всего, она только делала вид, что совсем не прочь оказаться с ним наедине в экстремально-интимной обстановке.

– Тоже не имею права, – упрямо мотнул головой он.

– А если я разрешаю?

– Хватит. На нас смотрят.

– Ну и пусть смотрят, – ничуть не смутившись, с высоты своей безмятежности сказала она.

– Не хочешь отдавать, уходи так...

Он был уже на все согласен, чтобы избавиться от этой вздорной штучки. Но, увы, Кристина не желала избавляться от него.

– Нет, ты должен меня обыскать... Здесь у вас должен быть кабинет начальника охраны.

– Я не начальник, я просто охранник...

– Тогда скажи мне, просто охранник, как вышло, что ты работаешь здесь? У тебя судимость, а ты работаешь здесь...

Это было его не самой большой, но тайной, которую он скрывал от своего начальства. Вернее, скрывал на пару с начальником охранной службы, которому он приходился шурином. Нельзя сказать, что Валентин безмерно дорожил своей работой, но не хотелось подводить зятя, который так хорошо к нему отнесся, что закрыл глаза на судимость и взял к себе в штат. Поэтому ему ничего не оставалось делать, как взять Кристину под локоток.

– Смотри, сама напросилась.

– Ну что ты такое говоришь? – насмешливо улыбнулась она и покорно прошла за ним в административно-бытовой блок, где среди прочих размещался кабинет начальника охраны.

Николай Ильич отсутствовал по делам, но кабинет был открыт. Туда Валентин и завел Кристину.

– Мне раздеваться или сначала дверь закроешь? – с нежным ехидством спросила она.

– Дверь закрою, – сказал он. – А раздеваться не надо... И меня раздевать не надо. В смысле разоблачать. Да, у меня судимость, но кричать об этом на весь супермаркет не надо!

– Боишься с работы вылететь?

– Боюсь, что наговорю тебе грубостей...

– А если я от грубостей еще больше возбуждаюсь?

Кристина измывалась над ним, но делала это не только из вредности. Валентин был уверен, что запросто может овладеть ею здесь и сейчас. Если только без всяких нежностей, которые могли все испортить. Взять грубо ее за плечи, развернуть к себе спиной, задрать юбку... Именно этого она сейчас от него и ждала. И, возможно, блудская натура здесь ни при чем. Она всего лишь хотела вспомнить молодость. Ведь когда-то они были вместе и любились, что называется, не по-детски.

– Не юродствуй, – осуждающе посмотрел на нее Валентин.

– А если я правда возбуждаюсь? – авантюрно улыбалась она.

– Тебе смешно, а у меня почти шесть лет колоний за плечами, – горько усмехнулся он.

Шесть лет ада, целая жизнь длиной с космос... Первые полгода после освобождения он приходил в себя, целыми днями пластом лежал в своей комнате, тупо глядя в потолок. Думал о том, что свобода – это сон, который в любое время мог закончиться и обернуться кошмаром арестантского бытия. Думал о Лиде, которую по-прежнему любил так, как будто она была живая. Она умерла, ее нет и никогда уже не будет, но ведь и его самого как бы нет. Телесная оболочка вроде бы влачит жалкое существование, но душа где-то далеко-далеко... От времени раны затянулись, но до полного излечения было далеко. Да и не стремился Валентин к выздоровлению. Совершенно наплевательское отношение к жизни. Что будет, то и будет... Лишь бы только Николая Ильича не подставить, зятя своего...

– Ну и что? Ведь вернулся же. Все такой же молодой и красивый. И до женщин, наверное, голодный. Или нет?

– Не твое дело.

– А зубы зачем показывать? – язвительно усмехнулась она. – Если не интересуешься женщинами, так и скажи!

– Что?! – вскипел он.

Знала бы она, как сильно наступила на больной мозоль.

– Эй, ты чего? – обеспокоенно посмотрела на него Кристина.

– Ничего, – огрызнулся он.

– Больная тема?

– Замолчи! – потребовал он.

– А что тут такого? Сейчас все красивые мужики такие... то есть не такие... И я многих не таких знаю...

– Я сказал, заткнись! – окончательно вышел из себя Валентин.

– Эй, ты не зверей, не надо! – испуганно и обеими руками махнула на него Кристина.

– Что не надо? – успокаиваясь, но все еще грубо сказал он. – Женщинами не интересуюсь, не такой... Да я тобой не интересуюсь. Тобой!

От ее стебного веселья не осталось и следа. Лицо плаксиво сжалось, на глазах выступили слезы.

– Зачем ты так?

Этого вполне хватило, чтобы смягчить камень в его душе.

– Извини.

– Извини, – передразнила его Кристина. – Ты мне точно так же говорил, когда уходил...

– Я ее любил. Потому и ушел.

– А меня не любил, да? Так, поигрался и гуд бай, моя не лайв! Так, что ли?

– Я хотел быть с тобой, но... Пойми, я очень ее любил.

– Да понимаю, – примирительно махнула рукой Кристина. – Чего в жизни не бывает... Тем более нет ее больше, твоей Лиды.

– Есть... Где-то есть...

– Где-то, – с мрачной иронией усмехнулась она. – Где-то, где мы все когда-нибудь будем... Ты туда, надеюсь, не стремишься?

– А что, похоже?

– Чумной ты какой-то, доской пришибленный... Ну да, шесть лет на зоне...

– И что с того? – с вызовом посмотрел на нее Валентин.

– Ну вот, снова нахохлился... Эй, ты к жизни возвращаться собираешься?

– Это ты о чем?

– Да все о том же... В институт восстановился?

– Нет.

– Почему?
– Все равно...
– Вот я и вижу, что все равно. В охранниках всю жизнь проходить хочешь?
– Ну и прохожу.
– Да, тяжелый случай... Надо тебя поднимать.
– Не твоя забота.
– Если не я, то кто же? Кто же, если не я?
– Весело тебе... Хорошо, что весело. Только меня веселить не надо. И о судимости моей говорить не надо, – вспомнил он об инциденте, благодаря которому они оказались в этом кабинете.

– А если я не хочу, чтобы ты охранником работал?
– А где мне работать? Куда меня с моей судимостью возьмут?
– В институт восстановиться.
– Не выйдет. Я за тяжкое сидел, судимость через шесть лет погасят, только тогда можно...
– Ерунда. Если очень захотеть, то все можно.
– А я никак не хочу – ни очень, ни вообще...
– Вот я и говорю, что тяжелый случай.
– Какой ни есть, весь мой, – мрачно усмехнулся Валентин. – И тебе уже пора.
– А вот и не выгонишь! – ехидно улыбнулась Кристина. – Ты у меня на крючке. Вот скажу, что у тебя судимость...

Она запнулась, глядя, как за спиной Валентина открывается дверь. В кабинет вошла Оксана – строгая, как затяжной ошейник с шипами, и гордая, как пикирующий бомбардировщик. На губах улыбка – ехидная с примесью административной злости.

– Это у кого судимость? – остервенело спросила она, свысока глядя на Валентина.

– Вот, у гражданина Шведова Валентина... э-э, запомятовала, как вас по отчеству...

От наглости, с которой Кристина его предавала, у Валентина перехватило дыхание. Хотел бы он сказать, какая она дрянь, но слова застряли в горле. Впрочем, взгляд, которым он ее наградил, должен был передать все его чувства.

– И за что, позвольте спросить? – Оксана рассматривала ее с колким интересом и тщательно скрываемой завистью.

При всем своем желании она не могла выглядеть так ослепительно хорошо, как она. Просто хорошо – да, а ослепительно – не тот размах крыльев.

– За убийство... Вот возьмет вас... – Кристина слегка сощурилась, рассматривая бейсик на форменном пиджачке. – Э-э, Оксана, старший вы администратор... Вот возьмет он вас, Оксана... Нет, не в том смысле, в котором вы хотите... Вот возьмет вас и убьет! Будете тогда знать.

– Убьет?! Меня?! – оторопело посмотрела на нее Оксана.

– Ну да, за вашу вредность!

– За мою вредность? – администратор воинственно встряхнулась, уперла руки в бока, выставила вперед ножку. – В каком это смысле он может меня взять?

– А в каком ты хочешь?

От этой перепалки у Валентина зазвенело в ушах.

– Эй, может, хватит?

– А тебя не спрашивают, Шведов! Ты уже уволен! – даже не глянув на него, выдала Оксана.

– За что? – удивленно протянула Кристина.

– За судимость!

– А кто тебе такое сказал?

– Ты и сказала!

– А если я пошутила?

– Не пошутила!

Неизвестно, сколь долго продолжалась бы эта взаимная пикировка, если бы в кабинет не вплыла дородная Марина Васильевна, директор универсама.

– Так, что здесь за шум? – вальяжно спросила она.

– Да вот, охрану надо вызывать! – ткнув пальцем в Кристину, взвизгнула Оксана.

– Охрану? – меняясь в лице, ошеломленно протянула директриса. И, вжав голову в плечи, лебезящим голосом: – Здравствуйте, Кристина Георгиевна!

Надо было видеть, как вытянулась в лице Оксана.

– Кристина Георгиевна? – проблеяла она.

– Да ладно, расслабься, девочка, – в уничижительно-поощрительном тоне сказала ей Кристина. – Проблемы в личной жизни, понимаю. А что не узнала, так я у вас не частый гость... Марина Васильевна, я заберу у вас Шведова. А то я сегодня без персональной охраны...

– Да, да, конечно, Кристина Георгиевна, – заелозила перед ней директриса.

Валентин с недоумением наблюдал за происходящим. И поплелся за Кристиной, как телок на веревочке. Опомнился он только возле кассы, мимо которой лежал их путь.

– А шоколадки? Шоколадки на место верни, – потребовал он, обращаясь к ней.

– Я смотрю, ты еще не совсем потерян для общества, – с мягкой усмешкой сказала она. И, немного подумав, добавила: – А может, и для меня...

Шоколадки она положила на ближайший прилавок и в сопровождении Валентина вышла на стоянку перед супермаркетом. Подвела его к своему автомобилю. Новенький джип «Ауди» красного цвета, две-три тонны геометрического и силового совершенства.

Кристина показала на свою машину с небрежной нарочитостью. И с легким торжеством во взгляде пригласила спутника занять место в салоне:

– Прошу!

Но Валентин мотнул головой.

– Если я правильно понимаю, ты – хозяйка нашего супермаркета?

– Если точнее, то им владеет мой муж. Фирма у него своя – супермаркеты, рестораны, ночные клубы.

Вряд ли Валентин завидовал Кристине. Что-то вроде восхищения шевельнулось в его душе, а желания хоть как-то приобщиться к ее семейному бизнесу не возникло. Он мог уже адекватно воспринимать действительность, но стремления чего-то добиться в этой жизни или хотя бы состояться как личность по-прежнему не было. Зато мужская гордость никуда не делась. Она-то и не позволяла ему ехать с Кристиной.

– Рад за тебя. Только не пойму, зачем тебе нужно было обворовывать свой же магазин?

– А мужу насолить! – задорно улыбнулась она. – Шучу, конечно... Охрану хотела проверить. И ты справился со своей задачей...

– Ты знала, что я здесь работаю?

– Понятия не имела... А если бы и знала... Я тебя уже давно забыла. Это я тебе правду говорю, чтобы ты не обольщался... Как ушел ты к своей Лиде, так и забывать тебя стала. Пока совсем не забыла... А сегодня, выходит, вспомнила. О чем, кажется, не жалею... Ну чего стоишь? Садись в машину!

– Зачем?

– Теперь у тебя новое место работы. Моим личным охранником будешь.

– Не буду.

– Почему? – удивилась она.

– Потому что не хочу.

– Точно не хочешь?

Кристина улыбалась, но во взгляде сквозила обида.

– Ни к чему это... Тем более судимость у меня. И Оксана меня уже уволила...

– Во-первых, она права на это не имеет. А во-вторых... Что у тебя с ней? – въедливо посмотрела на него Кристина.

– Что у меня может быть с ней?

– Вот я и спрашиваю, что... Я же вижу, она глаз на тебя положила.

– Тебе показалось.

Что ни говори, а она была близка к истине. Валентин знал, что нравится Оксане. Как знал, что Кристина почувствовала ее к нему симпатию. Точно так же, как об ее интересе к нему догадалась и сама Оксана. Поэтому и случилась эта их взаимная пикировка... Может, не зря говорят, что бабы – дуры?

– Не показалось... Смотри у меня, Шведов! – пальчиком погрозила ему Кристина.

В шутку погрозила, но при этом всерьез.

– Что смотри? – с вызовом посмотрел на нее Валентин.

– Я ревнивая...

– А я тебе никто.

– Кто. Сам знаешь, что кто... Не хочешь провожать меня, не надо. Оставайся здесь. А бегать я за тобой не собираюсь. Кто ты, а кто я!

– Вот и я о том же, – саркастически усмехнулся он. – Я никто, и этим все сказано... Езжай к своему мужу.

– Дурак ты, Шведов. Больше я тебе ничего сказать не могу... Прощай!

Закусив губу, Кристина повернулась к нему спиной и села в машину.

Валентин действительно чувствовал себя дураком. И понимал, что если бросит ей вызов, то станет дураком в квадрате. Но, как бы то ни было, в тот же день он попросил расчет и уволился из супермаркета...

Глава 3

Хрестоматийный авантюрист и мошенник Клетчатый был гением преступного мира, и опознать его удалось по портрету, написанному в стиле абстрактного кубизма. Степан хорошо помнил сцену из старого фильма, где Олег Даль, он же принц Флоризель, срывает покрывало с картины, и все, кто находился с ним в комнате, вскакивают со своих мест и с криком «Да это же Клетчатый» в ужасе уносят ноги... Увы, но в случае с убийцей инкассаторов ничего подобного не произошло, хотя его фотопортрет был составлен в более реалистичном стиле, нежели импрессионизм.

Степан со вздохом посмотрел на составной портрет преступника. Черты лица крупные, размытые и к тому же непропорциональные, контур – какой-то не естественный. Глаза маленькие, впалые – полное отсутствие гармонии с массивными надбровьями. А самих бровей нет вовсе. И нос огромный, распухший, ноздри, как у какой-то свиньи. Не человек, а монстр какой-то...

Это был портрет преступника, который мог застрелить Агашева, оказавшегося не в то время и не в том месте. Он смог составить описание только одного автоматчика. В результате кропотливой работы удалось найти еще двух свидетелей, которые смогли составить фотопортрет еще одного преступника. Но и там такая же опухшая и страшная рожа. С такими ориентировками патрульно-постовым службам не останется ничего другого, как разыскивать преступников по свалкам и бомжатникам...

– С такими мордами и маски не нужны, – сказал Круча, с недовольством отбросив на край стола бумажный лист с изображением преступника.

– Поэтому они ими и не пользуются, – уныло развел руками Комов.

– У них вроде бы перчаток на руках не было, – сказал Кулик. – А в машине ни единого отпечатка, если не считать хозяйских...

Как и ожидал Степан, розыск автомобиля, которым воспользовались преступники, не отнял много времени. Его нашли утром следующего дня в лесополосе за городом, куда грабители добрались быстро и беспрепятственно, местами по бездорожью. И где они, судя по всему, пересели в другую машину. Или ушли пешком. Деньги они, разумеется, забрали с собой. И оружие прихватили. Равно как и все, что могло вывести следствие на их след, – ни окурочка, что называется, ни отпечаточка. О случайно оброненном билете или квитанции, например, из прачечной с фамилией заказчика, и речь быть не могло. Чувствовалось, что преступникам не впервой иметь дело с милицией. Опытный народец. И, судя по всему, очень опасный...

– Масок не было, а следов нет. Эти морды ни о чем не говорят, – с досадой сказал Круча.

– Вот уж точно, морды, – кивнул Комов.

Он хотел что-то сказать, но в дверь решительно постучали. Не успел Степан сказать «да», как дверь открылась, и в кабинет вошли не совсем желанные гости.

Майор милиции Дыхайлов и капитан Ветряк. Один с интеллигентным лицом и взыскательным, скупым на эмоции взглядом, другой – простецкий парень с открытой душой, но такой же немногословный, как и его коллега. Майор – среднего роста и худой, капитан – чуть повыше, но гораздо более обильной комплекции, да и душевного тепла в нем погуще, чего уж тут говорить.

Разбойные нападения на банки, на инкассаторов с недавних пор стали бичом многих регионов России, в том числе и столичного. Расследование подобных преступлений контролировал Департамент уголовного розыска МВД, представителями которого и были майор Дыхайлов и капитан Ветряк. Прокуратура и УВД округа вели расследование, а Департамент его контролировал. В принципе, все правильно, потому как серийные нападения на инкассаторов должны быть объединены в одно целое. Но Круча на ментальном уровне с недоверием отно-

сился ко всякого рода помощникам, которые, как правило, мнили себя хозяевами положения. В данном случае это относилось и к Дыхайлову с Ветряком, и к оперативникам из окружного УВД, которым уголовный розыск Битовского ОВД должен был всего лишь «оказывать содействие», а по справедливости – тянуть на себе самую тяжелую и грязную часть «общей» ноши. Кто-то в дерьме копается, а кто-то в белых перчатках указывает, куда лопатку воткнуть, где ковырнуть...

– Здравия желаю, – сухо поприветствовал Степана майор Дыхайлов. И показал на свободные кресла за длинным приставным столом. – Если не возражаете...

– Не возражаю, – вынужденно улыбнулся Круча. – Мы как раз по делу совещаемся...

– Дело важное, подполковник, – присаживаясь, сказал майор. – И это хорошо, что оно у вас на первом плане... О чем вы тут совещаетесь, если не секрет?

– Ну, какие от вас могут быть секреты? – с притворным радушием сказал Комов. – С такими-то мордами...

– О чем это вы? – вскинулся Дыхайлов.

– О мордах... Вот, гляньте!

Он взял со стола начальника фотороботы преступников, протянул майору.

– Я мог бы сказать, что это морда лица, – с иронией в голосе сказал он. – Но не могу грешить против истины, это не в моих правилах. Никаких лиц я здесь не вижу. Только морды. Исключительно морды без всяких лиц...

– И что дальше? – строго и с недовольством посмотрел на него Дыхайлов.

– А то, что лица у них какие-то странные. То есть морды... Я всю картотеку просмотрел, ни одного похожего лица не обнаружил. То ли эти парни вынырнули к нам из какого-то другого измерения, то ли это грим у них такой...

– С другими измерениями мы не работаем, – добродушно улыбнулся Ветряк. – А насчет грима можно подумать...

– Грим отпадает, – покачал головой Дыхайлов, всматриваясь в изображение преступника. – То есть в прямом смысле отпал бы. Если, конечно, я правильно понимаю. Возможно, если лица изменены посредством инородного вещества, то слой этого вещества должен быть значительным по толщине... Существуют специальные латексные маски, которые можно купить... где купить, не знаю...

– Сейчас, – заинтригованно кивнул Круча и положил руку на компьютерную «мышку». Вышел в Интернет, сделал запрос в поисковую машину.

– Ну и что мы здесь видим, – сказал он, глядя на экран. – В основном секс-шопы...

– Маски для садомазо? – хмыкнул Комов. – Я бы посмеялся, но не смешно...

– Погоди ты, садомазо... – Степан вывел на экран картинки, сопутствующие запросу. – Так, маска Буша, еще какой-то клоун... Грубо, но под цвет кожи...

– И как эти маски крепятся? – спросил Дыхайлов.

– Натягиваются... Я так понимаю, что натягиваются на голову...

– Назовем это резиботехническое изделие номер три, – в привычной своей зубоскальной манере сказал Комов.

– А нас под каким номером поставишь? – угрюмо спросил Кулик. – Нас ведь тоже натянули...

– Натянули, – с унылым видом согласился Круча. – Ни следов, ни зацепок...

– И агентура молчит, – совсем невесело добавил Федот.

– И будет молчать, – махнул рукой Кулик. – Потому что братва эта – залетная. Вчера у нас, завтра где-нибудь в Южном порту нашумят...

– Может быть, и залетная, – не стал отрицать Дыхайлов. – Но, судя по всему, налетчики тщательно готовились к нападению. Они просчитали все, даже возможность отступления посредством высокопроходимой техники, я имею в виду джип, который, как показали

эксперты, преступники угнали с применением электронно-технических средств угона. Сигнализация была отключена грамотно, без взломов, и сам автомобиль вскрыли и завели очень аккуратно...

– Чувствуется класс, – вставил слово Ветряк.

– Опять же, автоматическое оружие... – развивал общеизвестную истину его начальник. – Преступники действовали наверняка. И обошлось без осечек, как в случае с нападением на «Внешпромбанк». Один инкассатор был убит, другой получил ранение в ногу, но смог дать отпор налетчикам... Оружие нападения – автомат «АК-47» и пистолет «ТТ». Преступникам удалось скрыться... Была осечка и при нападении на отделение Сбербанка на Ленинском проспекте. Опять же, у преступников были автоматы, и стреляли они на поражение, длинными очередями. Инкассаторы были в бронежилетах, но это их не спасло. Два человека были убиты сразу, третий получил ранение, но, успев заскочить в броневик, оказал сопротивление...

– Слышали, – отозвался Комов. – Один преступник был ранен и обратился за помощью в больницу. За ним были взяты и его сообщники...

– Да, этих задержали. Потому что им не хватало опыта. Не смогли должным образом организовать отход, наследили, когда уходили. И в медучреждение обращаться было не надо...

– В нашем случае никому никуда обращаться не надо, – сказал Кулик. – В нашем случае игра шла в одни ворота. В результате нападения ни один преступник не пострадал...

– А я бы посоветовал им обратиться, – усмехнулся Комов. – За медицинской помощью. В психиатрическую лечебницу...

– Не смешно, – недоброжелательно глянул на него Дыхайлов. – Но что-то в этом есть... Я разговаривал со специалистами, которые занимаются экипировкой частных охранных структур. Бронежилеты, бронированные машины – все это рассчитано на адекватных преступников. А если преступник – безбашенный отморозок, то все бесполезно...

– На одних отморозках далеко не уедешь, – заметил Круча. – Стадо глупых баранов, возглавляемое умным львом, сильней, чем стая львов с бараном во главе...

– В таких делах овцы не только в стаде водятся, – сказал майор. – Существуют заблудшие овцы вне стада... Как правило, прежде чем напасть на объект, преступники ведут вербовочную работу среди самих инкассаторов, которые в конечном итоге существенно облегчают им задачу. Находят они соучастников и среди банковских служащих, которые поставляют им информацию о передвижениях наличных денег...

– Погибшие инкассаторы характеризуются исключительно с положительной стороны, – неуверенно сказал Кулик.

– Все они с положительной стороны характеризуются, – заметил Дыхайлов. – С отрицательными характеристиками в охрану не берут. Характеристика может быть положительной, а сущность отрицательной. Мне ли вам это объяснять?

– Ну да, ну да, – кивнул Комов. – Нет крепких орешков, есть слабые дробилки... Только какой мог быть сговор с инкассаторами, если все они погибли?

– Не всякая договоренность обязательна к исполнению, – парировал майор.

– Обманули и убили, бывает и такое, – частично согласился Круча. – Но я не думаю, что это наш случай. Преступники действовали нагло, дерзко и, главное, с выдумкой. Машина у них была без тонированных стекол, лица у них были открыты, то есть они не позволили себя изобличить до того, как инкассаторы сели в машину. А дальше все просто и односложно – подошли к машине, разрядили автоматы, кувалдой выбили стекло, забрали деньги... Кувалда у них была, уже одно это указывает, что на чью-то поддержку со стороны охраны они не рассчитывали...

– Логично, – сказал Дыхайлов. – Ну а откуда преступники получили информацию? Надо провести работу среди персонала сберкассы, возможно, среди них были осведомители...

– Все может быть. Но и тут есть своя логика, не требующая информации извне. Во всех сберкассах так заведено – вечером наличные деньги перевозятся в специальное хранилище специальными людьми и на специальных машинах. Преступники могли знать и без информаторов, что к вечеру в сберкассе должны появиться инкассаторы, забрать определенную сумму... Могли. И знали.

– А неисправность камеры наружного наблюдения? Кто ее вывел из строя?

– Ее вывела неисправность платы коммуникации питания. Преступники здесь ни при чем...

– А их пособники?

Степан прекрасно понимал обеспокоенность Дыхайлова. Преступники совершили разбойное нападение в Битове, удачно скрылись с места преступления, теперь их нужно ждать в каком-нибудь другом районе Москвы. Получалось, что здесь, в Битове, их самих найти будет невозможно за их, так сказать, отсутствием. А это значит, что убийства будут продолжаться, и косвенно майор Дыхайлов будет в том виновен. Степана тоже по головке не погладят за то, что преступление не раскрыто, но с представителей Департамента за это спросят еще строже. Вот и мечется майор, пытаясь найти черную кошку в темной комнате. А вдруг есть эта черная кошка в лице бандитских пособников, вдруг живет она в Битове, и местный уголовный розыск сможет ее прижучить с тем, чтобы затем Дыхайлов смог выйти на преступников... Понимал Круча майора. И даже готов был ему помочь. В пределах разумного, конечно же...

– Будем искать вшивых, майор, – сказал он. – Это и в наших, сами понимаете, интересах. Но и вы, если вдруг будет какая-то информация, не забудьте маякнуть. Вряд ли эта нечисть появится у нас снова, но хотелось быть в курсе... Или уже есть подозрения, кто это сделал?

– Ну, подозрения, конечно, есть, – кивнул Дыхайлов. – Возможно, это те же самые бандиты, которые совершили нападение на отделение «Внешпромбанка». Может, другие... Но пока все на уровне домыслов. Но если вдруг появится что-то существенное, я постараюсь вас проинформировать...

Степан спрятал в усы усмешку. Это не совсем одно и то же – «сделать что-то» и «постараться это сделать». Но лучше что-то, чем ничего.

Глава 4

Все работы хороши, выбирай... если нет судимости. А если есть, выбирай на... Вот оттуда и выбирай... Впрочем, Валентин не жаловался. Муж сестры, Николай Ильич, помог ему трудоустроиться, и теперь он работал в половой сфере. В том смысле, что занимался полами – паркет, ламинат, все такое прочее. Бригада серьезная, коллектив устоявшийся, да и сам Валентин не лыком шит. В зоне в столярном цеху работал, как с деревом обращаться – знал. Сначала он в бригаде на подхвате был, а сейчас уже сам ламинат кладет. Сегодня они объект закончили – выставочный зал в торговом центре, триста квадратных метров, и, как минимум, половина из этой площади накрыта его руками. Все по уму – планировочный слой из толстой фанеры, дополнительная звукоизоляция, финский ламинат с подложкой.

– Неплохо, парни, неплохо...

На объекте работали два человека, он и Паша Боков. А работу принимал бригадир-про-раб дядя Миша. Он сам в свое время мотал срок за ошибки молодости. И плевать ему, есть у тебя судимость или нет, – главное, чтобы работал хорошо и водку не жрал. Со спиртным у него строго – дома хоть в стельку залейся, а на работе ни капли в рот.

– Объект, считай, закончен, – осматривая зал, сказал дядя Миша. – Барную стойку, столы – это уже без нас поставят...

– Когда поставят? – оживился Боков.

– А тебе не все равно? – хмыкнул бригадир. – Или думаешь, что бармен тебе пивка нальет? Не дождешься...

– Не дождусь. Мне домой, к жене надо. Четыре дня здесь волындались...

– Четыре дня... Здесь в два дня можно было уложиться, если уметь. Ну да ладно, с вашей квалификаций четыре дня – норма... Сейчас заказчик придет, работу принимать будет... Я поехал, а вы остаетесь, ждете, когда он подъедет: что там доделать, доделаете...

Дядя Миша уехал, а Боков затосковал.

– Когда заказчик придет? Может, вечером, а мне домой надо... И что тут доделывать? Все ж хорошо. Ну, проводка торчит, розетки надо поставить, так это не наше дело...

– Не наше, – кивнул Валентин.

Бокова можно было понять: у него жена на сносях, не сегодня завтра в роддом надо везти.

– Если тебе надо, езжай домой. А я сам здесь побуду.

Ему торопиться некуда. Дома его никто не ждет. Родители, конечно, любят его, но для них он скорее обуза, нежели желанный гость. Тем более что сестра с ними в одной квартире живет, муж у нее, ребенок. Отношения в большой семье нормальные, но все равно все бы вздохнули с облегчением, если бы Валентин навсегда освободил свою комнату. Во всяком случае, так думал он сам. Потому и пошел на работу, чтобы со временем снять себе комнату и не стеснять родных.

– Ну, спасибо, брат!

Бокова как ветром сдуло, и в гулком от пустоты павильоне остался только Валентин. Зал большой, длинный, с огромными витринными стеклами – на них сейчас фольга, но после ремонта ее снимут, и помещение будет как на ладони. Валентин не был специалистом, чтобы судить, как хорошо будут идти дела у владельца этого павильона, но ему казалось, что будет большой ошибкой разместить здесь ресторан. Торговый центр, суматоха, зал на виду... А если устроить кафе по типу перекусочной, почему бы нет. Озеленить, установить фонтан, создать тишину и уют... Впрочем, ему-то какое дело, как будут идти дела у хозяина этого заведения. Ему бы объект сдать, а там дядя Миша получит окончательный расчет и расплатится с рабочими. Если все будет хорошо, то сумма в карман капнет ощутимая...

Заказчик не шел, а Валентина разморило. Он сел прямо на пол, прислонился спиной к стене. Нет, спать он не будет...

– Хата, подъем!

Пронзительный крик в ухо и сильный удар по ноге он получил одновременно. Спросонья он не понял, где находится, и решил, что утренний подъем застал его под нарами в тюремной хате. Дело привычное, но если его бьют, значит, надо защищаться. Себя в обиду давать он не собирается...

Сначала он подался вперед, не поднимая головы над полом – как будто из-под шконки выбирался. Затем, с уходом в сторону, встал в стойку – кулаки прижал к груди, локти к бокам. И только тогда окончательно проснулся...

Он стоял в боевой стойке в пустынном павильоне, где и сморил его сон. А перед ним возвышался крепкого сложения парень с бритой головой. Грубые черты лица, хищно-презрительный оскал. Двух- или даже трехдневная щетина не ухожена, как у некоторых любителей пивного дела. Черная шелковая рубаша расстегнута на три верхние пуговицы, чтобы хорошо была видна толстая золотая цепь, в паре с которой наблюдался и фрагмент лагерной накладки. На пальцах широкие и массивные золотые печатки, призванные скрыть татуированные перстни, по которым можно было признать в их хозяине бывшего сидельца. Хотя, похоже, он не очень то и пытался скрыть свою арестантскую сущность.

– Эй, чувак, ты чего так подорвался? – нахально спросил он, с кривой ухмылкой рассматривая Валентина. – Ты чо, обиженный?

Он был не один, у него на руке висела смазливая шатенка, испорченная вульгарным, топорной фактуры лоском. Чрезмерный слой косметики, одежда дорогая, но безвкусно подбранная; духи хорошие, но в беспредельно завышенной концентрации – попади она в тюремную камеру, весь смрад одним своим запахом смогла бы заглушить. Но сейчас она не в тюремной камере, хотя Валентину так не казалось.

– Кто тебя обидел? – нахраписто допытывался уголовник.

Похоже, он даже не догадывался, какой ураган эмоций поднял он в чужой душе.

– А тот же, кто и тебя! – рыкнул Валентин.

– Чо ты сказал? – взвыл бритоголовый.

– Ты кто такой?

– Да я здесь босс, понял?.. Ты покойник, чувак. Ты – покойник!..

Похоже, он был не прочь наказать Валентина прямо сейчас, но ему не хватило внутренней уверенности в своих силах. Поэтому он ограничился одними лишь угрозами, зная, что никогда не выполнит их. Он просто позировал своей девице. И чтобы не ударить перед ней в грязь лицом, сделал вид, что утратил – на время, конечно же! – всякий интерес к Валентину.

– Смотри, Лизун, какой здесь кабак у меня будет, – сказал он и обвел рукой павильон.

Они медленно направились вдоль по залу.

– Прикинь, приходишь, а тебе халдей кланяется. Здрасьте, Елизавета свет Батьковна!

Девица бестолково хихикнула и задницей вывела шикарную «восьмерку». Примерно так могла помахать хвостом сучка, которой хозяин почесал за ухом.

– Там барная стойка, там столы. Братва, все дела. Музыка там, «Мурка, ты мой муреночек», все такое...

Валентин презрительно усмехнулся, представляя, как блатная братия разгоняет своим видом посетителей ресторана... Впрочем, если здесь будет играть «Мурка», сюда ни один нормальный человек не пойдет...

– Все в цвет будет, Лизун. Мы с тобой еще всем здесь покажем. Всем... – уголовник запнулся, повернулся к Валентину и свирепо посмотрел на него. – И уроду этому тоже... Ты вообще кто такой? Что здесь делаешь? Работаешь?

– Сам все сказал, – сказал Валентин, исподлобья глядя на него.

Да, он был обижен в свое время. Очень сильно обижен. И обидели его такие вот ублюдки, как этот... Знал бы кто, как он люто ненавидел эту уголовную мразь. Всех бы передушил, будь его воля...

– Ты еще полайся, козел! – взбылся бритоголовый.

– От козла слышу!

Валентин уже нарочно провоцировал этого типа, он уже хотел, чтобы тот ответил на оскорбление. Ух, уж он будет бить эту тварь. Столько в нем ярости, столько злобы, что уголовник обречен, имей он хоть пять данов на черном поясе.

– Ты че, урод! – дернулся парень.

Но Валентин не дрогнул перед его психическим натиском. А на физический контакт тот не пошел – испугался лютой решимости в его глазах.

– Хреново работаешь, тварь!

А оскорбления сыпались как из рога изобилия.

– Проводка торчит, чо за дела? Стены покрашены хреново!..

Валентин бы мог сказать, что эти придирки не имеют к нему отношение, поскольку он отвечал только за пол. Но, во-первых, отделку помещений делала фирма, на которую работала его бригада. А во-вторых, скажи он про полы, уголовник тут же прикопается к ним.

– Короче, работу я не принимаю. И денег вы хрен получите. Так и скажи своему начальнику!.. Хотя нет, сам ему позвоню. Пошли, Лизун, а то от этого козла козленью воняет!

Знал бы кто, скольких сил Валентину стоило удержаться от ответного выпада. Не было у него слов, чтобы выразить свое возмущение, да и говорить он не мог, потому что дыхание у него перехватило от злости. Зато он мог ударить подонка – кулаком в горло, да так, чтобы раз и навсегда... Но мысль о тюрьме сдерживала его сумасшедший порыв.

Уголовник забрал свою подстилку и вместе с ней убрался. Но не было вздоха облегчения, вместо этого из груди Валентина вырвался звук, похожий на стон смертельно раненного зверя...

Глава 5

Солнце, воздух и вода... Яркое солнце и свежий воздух остались на улице, а водой был залит душный подвал высотного дома. В эту воду больше чем на половину был погружен труп бритоголового мужчины. Остекленелые глаза удивленно распахнуты, лицо – сплошная гримаса предсмертного ужаса, губа разбита, на горле – гематома.

Труп обнаружили сегодня утром сантехники, прибывшие в подвал устранять течь.

– Свежачок, – сказал судмедэксперт, осматривавший труп.

Грязный белый халат, черные резиновые сапоги выше колена. На осунувшемся лице выражение профессиональной тоски и накопившейся за сутки усталости.

– Видимо, ночью убили. Похоже, голыми руками... Сильный и резкий удар в область кадыка может привести к летальному исходу. Похоже, наш случай...

– Личность установили? – спросил майор Кулик у дежурного следователя.

– Да, барсетка здесь плавала. Стежков Вадим Евсеевич, прописан по этому адресу...

– Значит, документы на месте. А деньги?

– И деньги там же. Семь тысяч с рублями... Цепь золотая на шее, печатки...

– Значит, ограбление здесь ни при чем... Что тогда?

– Я, конечно, не аналитик, – бесцветным голосом сказал эксперт. – Но у покойного под золотыми перстнями угадываются другие, уголовные... Может, сведение счетов. Разборки, знаете ли...

– Разборки – дело серьезное...

– Родных оповестили?

– Да нет, еще не успели...

– Ну и кто это делать за вас будет?... Ладно, работайте...

На тонкость и чувствительность природы Александр не жаловался, и вид трупа его несколько не смущал. Но духота в подвале действовала ему на нервы. Поэтому он с удовольствием выбрался наружу. А к общению с родственниками убитых он привык.

В подъезде, возле консьержной, он столкнулся с девушкой. Она неслась ему навстречу с такой скоростью, что едва не сбила его с ног. Волосы растрепаны, глаза нараспашку, рот приоткрыт в паническом ужасе; красивый шелковый халат расстегнут вниз от самого пупа, и девушка автоматически придерживала его рукой... Она была симпатичной, эта девушка. Но было в ней что-то неуловимо грубое, неприятное.

Они столкнулись, женщина шикнула:

– Да что такое!

– Майор милиции Кулик.

Девушка мчалась как на пожар, а это могло значить, что она бежит к покойнику, весть о котором, возможно, уже успела облететь дом.

– Милиции?! – оторопела девушка. – Кого! Кого там убили!

– Стежков... Стежков Вадим Евсеевич...

– Я... Я так и знала...

В обморок девушка не свалилась, но все же Александру пришлось поддержать ее рукой, чтобы она устояла на ногах. А у отзывчивой консьержки нашелся успокоительный настой пустырника.

– Так что вы знали? – спросил Александр, когда острая фаза кризиса слегка притупилась.

Он сидел на стуле у стола в тесной консьержной, а девушка – на кушетке.

– Я чувствовала... Он должен был еще вчера вечером приехать... Смотрю сейчас из окна, машина милицейская, люди в форме...

– Но труп же вы не видели.

– Нет.

– А почему тогда решили, что это убийство?

– Я консьержке позвонила. Она сказала, что кого-то убили...

– А вы, простите, кто Вадиму Евсеевичу будете? Жена?

– Да. То есть не совсем. Мы пока в гражданском браке... Я... Я можно посмотрю? Может, это не он.

Увы, но ее робким надеждам не суждено было сбыться. В подвале лежал труп ее гражданского мужа.

* * *

Майор Комов был в своем репертуаре.

– Не трупом единым жив уголовный розыск... Что вы там по утопленнику нарыли?

– Если бы это был утопленник, мы бы начерпали, – скупно улыбнулся Кулик. – А так, ты прав, рыть пришлось. Хотя воды все равно много было... Судя по заключению экспертизы, Стежков получил несколько сильных ударов в лицо и живот. И, наконец, этот смертельный удар в кадык... Даже не знаю, преднамеренное это убийство или превышение пределов...

– Каких пределов?

– Ну не знаю, может, самообороны. А может, и нападения... В общем, накрылся Стежков летальным исходом. Деньги и документы остались при нем. И ключи от машины тоже. Машина в гараже, «трехсотый» «Лексус»...

– Неплохо мужик жил.

– Неплохо. Деньги точно водились... Ларьки у него, магазинчики мелкие... И уголовное прошлое.

– Это интересно.

– Да ничего интересного. Сидел за вымогательство, целых семь лет. В девяносто девятом вышел, нашел деньги – возможно, друзья помогли. Бизнес открыл, приподнялся, так сказать...

– Кто друзья?

– Не знаю. Но сам он гольяновский, там братва и сейчас голову высоко держит.

– Почему тогда здесь химичил?

– Восток – дело тонкое. В смысле, восточная часть Москвы... Может, проблемы с кем-то из своих... Может, за это и поплатился...

– Только заказухи нам не хватало... Здесь, у нас, он с кем-нибудь конфликтовал?

– Ну, жена говорит... Гражданская жена, – уточнил Кулик. – Она говорит, что Стежков ресторан открывать собрался. В торговом центре, на Ульяновской... В общем, фирму нанял, ремонт в павильоне сделал. А когда работу принимал, с одним рабочим, говорит, сильно поругался.

– Что за человек?

– Жена говорит, что у парня не все дома были... То есть с виду вроде бы ничего, нормальный. Но когда Стежков злить его начал, у него чуть пена изо рта не хлынула. А глаза страшные-страшные... Стежков его обиженным назвал, а тот разозлился... Стежков, конечно, тоже хорош, оскорблял парня...

– Драка была или что?

– Нет, не было ничего. Но когда Стежков уходил, у парня совсем крышу снесло. Жена так сказала, что снесло. Видели бы вы, говорит, его взгляд. Такой злобы она никогда еще не видела...

– Злобу к делу не пришьешь.

– Да, но Стежков отказался оплачивать работу. Сказал на фирме, что их рабочий очень сильно его оскорбил... Деньги он, конечно, заплатил. Не сразу, правда, и не в полном объеме,

но угрожал в суд подать... А может, и братвой угрожал, я не знаю. Надо бы человека на эту фирму послать, чтобы узнал...

– Если надо, делай, чего мне говоришь?

– Да я не думаю, что это перспективная линия. Но человека пошлю...

Кулик почти уверен был в том, что собака зарыта в уголовном прошлом, а может, и настоящем гражданина Стежкова. Кто-то из криминальной братии его порешил. Разборки, сведение счетов... Возможно, виной его гибели были проблемы с бизнесом, которым он занимался. Так или иначе, нужно было лезть в криминальную трясиину, ворошить агентурную сеть. А какой-то рабочий из торгового центра – это пустьак.

* * *

Илья Колосков поражался стране, в которой он жил. Сотрудники милиции работают ненормированно и на износ, рискуют своей жизнью в борьбе с криминальной нечистью. Возможно, не все и не всегда следуют букве закона, но в любом случае милиция охраняет мир и порядок в обществе. А это самое общество с недоверием относится к ней... Да, семья не без уroda. Есть проходимцы, которые злоупотребляют своим положением. Но тот же гаишник, который снимает мзду с прощтрафившихся водителей, в случае чего первым встанет на пути вооруженных преступников, первым подставится под их пули...

Илья еще в седьмом классе решил, что будет служить в милиции, и не абы где, а в уголовном розыске. Родители только посмеялись над его мечтой, а отец сказал, что в Академию МВД без блата и больших денег не поступить. Парадоксальная, сказал, ситуация, сотрудник милиции – профессия не уважаемая, а в академию так просто не поступишь. Но Илья поступил. Не просто, потому что пришлось покорпеть, чтобы сдать все экзамены на «отлично», но и без блата.

Сейчас он заканчивал пятый курс и проходил стажировку в уголовном розыске самого настоящего районного отделения милиции. Еще в академии его предупреждали, что на стоящие дела рассчитывать глупо, в лучшем случае придется заниматься отчетностью, до которой у оперов руки не доходят. Но нет, сегодня Илье поручили настоящее дело – собрать информацию о сотруднике ремонтно-строительной фирмы «Судьба».

Он ехал в троллейбусе, и не в форме, а, как положено настоящему оперативнику, в гражданке. Вместо командирского планшета на ремешке болтается стильная мужская сумка. Именно карабином этого самого ремешка он и зацепился за дамскую сумочку.

Заметил он это, когда обладательница этой самой сумочки пошла на выход. Илье нужно было сходить на следующей остановке, поэтому он стоял спокойно. Почувствовав, как его барсетка отделяется от бедра, он встрепенулся, решив, что становится жертвой карманника. Он приготовился схватить преступника за руку, но поймал женскую сумочку.

– Эй, ты чего? – возмущенно посмотрела на него девушка с химической завивкой волос.

Большие глаза с длиннющими ресницами, сдобное розовощекое лицо, пухлые губки... Она была хороша собой, и тем сильнее Илью задело ее возмущение в свой адрес.

– Извините.

Он отпустил сумку, и девушка продолжила свой путь. Но тут ремешки на их сумках натянулись, и они встали, что называется, в сцепку.

– Зачем ты это сделал? – не столько возмущенно, сколько обиженно спросила она.

– Это не я, это само...

– А за сумку зачем хватал?

– Потому что моя сумка за вами... за тобой потянулась...

Баш на баш, «ты» на «ты»...

Девушка попробовала отцепиться, но тщетно.

– Мне выходить надо, – нервно сказала она.

– Тогда я с тобой.

Они вместе вышли из троллейбуса, и только тогда им удалось расцепиться.

– Да, с тобой не соскучишься! – иронично посмотрела на него девушка.

Она была, что называется, в теле. Но хороша... Белая блузка с глубоким и широким вырезом, из-за чего пышный упругий бюст был открыт чуть ли не наполовину. Чудная картина...

– Да я не нарочно, – смущенно пробормотал Илья, старательно удерживая себя от соблазна уронить глаза в разрез блузки.

– Не нарочно, – передразнила его девушка.

Илья вдруг вспомнил, что находится при исполнении, более того, он без пяти минут офицер милиции. Он просто обязан держать марку.

– Знаешь, анекдот такой есть, – взбодрившись, сказал он. – Два поезда идут друг другу навстречу и по одному пути. Шли, шли и разошлись, не врезались. И почему? А потому что не судьба.

– Это ты к чему? – спросила она, с интересом рассматривая его.

– А к тому, что мы не должны были сцепиться. А сцепились. Потому что судьба... А вообще-то, фирма так называется, которая мне нужна. Это на другой остановке...

– Ты в этом уверен? – интригуяще посмотрела на него девушка. – Вообще-то у нас в городе одна фирма с таким судьбоносным названием. – Немного подумав, добавила: – И я, между прочим, там работаю...

– Ремонтно-строительная фирма?

– Да.

– Улица Максимова, восемь.

– Дом восемь, корпус два...

– Тогда нам дальше надо ехать.

– Почему?

– Потому что это следующая остановка.

– Не угадал. Остановка – эта. И я сейчас в офис иду. Тут недалеко.

– Хочешь не хочешь, а надо тебя проводить, – улыбнулся Илья. – Потому что судьба...

Так же ваша фирма называется?

– Вообще-то меня Лада зовут.

– Илья.

Они медленно двинулись в направлении, которое задала девушка.

– А тебе что, ремонт квартиры нужно или что? – спросила она.

– До квартиры я пока не дорос. А кем ты работаешь?

– Секретарь-специалист. Договора, прием на работу, чай-кофе, все такое...

– Ты, наверное, в курсе событий. Там у вас недавно, говорят, инцидент неприятный был.

Клиент с рабочим поругался, деньги отказался платить. Павильон в торговом центре на Ульяновской, фамилия клиента Стежков...

– Неприятный тип, – поморщилась Лада.

– А рабочий? Ну, из-за которого сыр-бор?

– Тоже тип. Но приятный... Слушай, а ты об этом откуда знаешь?

– Оперативная информация. Из уголовного розыска. А сам я – оперуполномоченный уголовного розыска. Будущий лейтенант милиции Колосков.

– Что значит будущий?

– Я на стажировке сейчас. А в июле уже академию закончу, погоны получу.

– Это, конечно, хорошо. А что тебе от меня надо?

– Ну, не совсем от тебя. Меня инцидент интересует, с гражданином Стежковым... Может, в кафе зайдем? Жарко что-то сегодня, а там мороженое...

Илья, безусловно, радовалось, что подобно бывалому оперативнику он смог установить контакт с человеком, который мог дать ему информацию об интересующем его субъекте. Неплохо было бы закрепить успех, и не только оперативный. Тем более что на пути попалось летнее кафе.

Лада от приглашения не отказалась. Илья сделал заказ и продолжил наступление на служебном фронте, не забывая о личном.

– Так что это за парень, с которым Стежков поцапался? – спросил он.

– Парень как парень.

– Ты говорила, приятный тип.

– Говорила... У него судимость, а все равно приятный. И на внешность, и поговорить с ним... Ну, не то чтобы интересно. Он вообще мало говорил, больше молчал. Но молчание тоже бывает приятным...

– Увы, молчать я не стану.

– А жаль... А зачем тебе Валентин?

– Кто?

– Валентин. Парня так зовут, которым ты интересуешься? Валентин Шведов.

– А-а, ну да... Судимость у него...

Илья хорошо помнил одну из заповедей, которые необходимо соблюдать при работе с источником информации, – не спрашивать, как будто ничего не знаешь, а уточнять. И вид у тебя должен быть таким, как будто все тебе известно, вплоть до цвета носков, которые носит преступник.

– Судимость, – кивнул Лада.

– И как же вы его с судимостью взяли?

– А что, если судимый, то не человек?.. Вообще-то мы судимых стараемся не брать, но за Валентина его родственник похлопотал. Он у Игоря Игоревича на собеседовании был, нормально все прошло. И дядя Миша говорит, что парень смысленый...

– Игорь Игоревич... Это, кажется...

– Директор нашей фирмы, – подсказала Лада. – А дядя Миша – бригадир. Валентин у него работал.

– Работал? Почему в прошедшем времени?

– Потому что уволиться он хотел.

– Почему?

– Дядя Миша сказал ему, что клиент из-за него деньги платить не хочет. Он всего лишь сказал ему, а тот сказал, что увольняется...

– Такой обидчивый?

– Я так поняла, что да, – кивнула девушка.

– И давно он уволился?

– Он не уволился. Хотел, но не уволился... А было это во вторник.

– Во вторник, – в раздумье сказал Илья. – А в четверг Стежкова убили.

– Стежкова?! Убили?! – Лада недоуменно вскинула брови. – Кто?

– Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, – с видом бывалого человека, напирая на басы, сказал он. – Как ты думаешь, Шведов мог это сделать?

– Шведов?! Шведов – нет.

– Ты в этом уверена?

– Как я могу быть в чем-то уверена? Нет, конечно... Но Шведов не из тех, кто может убить...

– Но у него судимость... За что, кстати?

– За убийство... Бандиты девушку его убили, он одного бандита догнал и убил. Голыми руками убил! – не без восхищения сказала Лада. – Из-за девушки!.. И скажи только, что он не прав.

– Ну, я не знаю, – растерялся Илья.

– Ты что, не стал бы мстить за свою девушку?

– Стал бы... Ну, если за свою, то стал бы...

– А Валентину за свою мстить нельзя?

– Это ты о чем?

– О том, что такие, как ты, его и посадили.

– Я его не сажал.

– Ничего, у тебя еще все впереди. Сейчас найдешь Валентина и посадишь его. А что, если он одного бандита убил, то и другого мог! У вас в милиции своя логика. Зачем убийцу искать, если можно судимого посадить... Работать не хотите, вам бы чтобы попроще и побыстрее, а человек потом страдай...

– Ну вот, старые песни о главном. Бандиты хорошие, а милиция плохая... Кстати, с чего ты взяла, что Стежков – бандит?

– Потому что вел себя, как бандит. Приехал к нам, пальцы веером, мат-перемат... Я вас, говорит, еще и на счетчик поставлю. Братва, дескать, подъедет, мало не покажется... Жуткий тип.

– Ну, это же не значит, что его можно убивать.

– А кто говорит, что можно?

– Ну, ты же Шведова выгораживаешь.

– Так он же не убивал...

– Но в тюрьме сидел?

– Ну, вот и логика, о которой я говорила... – снисходительно усмехнулась Лада. – Быть тебе генералом, будущий лейтенант, если так работать будешь...

– Буду я генералом или нет, а работать я буду, как надо. И невиновных сажать не буду...

– Все так говорят... Ты, Илья, извини, – спохватилась девушка. – Что-то я не с того завелась...

– Тебе нравится Валентин? – в упор спросил Илья.

С одной стороны, ему пришлось по нраву резкость и решительность, с которой он задал этот вопрос. С другой стороны, ему было неприятно от мысли, что у Лады могли быть отношения с другими мужчинами.

– Разве я это говорила? – порозовела она.

– Нет, но я понял.

– Что ты понял?... Ну, допустим, нравится. И что?

– У вас что-то было?

– Было – не было, не твое дело!.. Не было у нас ничего... Да и не могло быть. Он такой...

Лада запнулась, не в состоянии с ходу подобрать слова, чтобы описать парня.

– Какой такой?

– Ну, как бы тебе сказать... Знаешь, есть красивые мужчины, но мимо них спокойно проходишь. А есть такие, что чуть красивей обезьяны, но от них заводись, потому что в них что-то такое сильное... Так вот, Валентин и красивый сам по себе, и это что-то сильное... Только на меня он даже и не смотрел, – с сожалением сказала девушка. – Видел бы ты, какие женщины им интересуются...

– Какие?

– Да тут одна недавно приезжала. Мисс Закачаешься. Красивая – хоть картины рисуй... Шведовым интересовалась. Хотела, чтобы он ей ремонт в квартире сделал. Чтобы только он и больше никого. Я ей говорю, что он не умеет ничего, только полы стелить научили, а ей все

равно. Ничего, говорит, научится... Видел бы ты, как она одета. Шик! А машина – тебе такая и не снилась...

– Зачем ей Шведов был нужен?

– Я же говорю, чтобы ремонт ей сделал. Мастерок ей его нужен... Совратить его хочет. Он у нее в квартире работает, а она к нему ездит, ход работ проверять... Я так поняла, она его хочет, а он – нет... Он вообще ни с кем не хочет.

– Может, он вообще женщинами не интересуется? – неосторожно предположил Илья.

За что и поплатился.

– Дурак!.. Извини, сорвалось... Пойми, он ту девушку очень любил, которую убили.

После нее ему никто не нужен.

– Ну, может быть... А что за мисс к нему приезжала?

– Я бы сказала, миссис. Обручалка у нее на пальце... А зовут ее... Как зовут, не сказала.

И фамилию не назвала.

– Почему?

– Я же говорю, муж у нее. Страхуется баба... А муж у нее, наверное, крутой. Узнает про Валентина, голову оторвет...

– Ну а квартира, где она ремонт хочет сделать? Адрес она оставила?

– Да, наверное. Она потом с Игорем Игоревичем говорила. Он что-то в блокнот записал.

А потом, когда Валентин заявление принес, он ему адрес этот дал, сказал, что там работа для него.

– И что, взял он адрес?

– Взял.

– И работает.

– Ну, вроде да. Жалоб пока не поступало...

– А где Шведов живет, адрес знаешь?

– И адрес, и телефон, это у меня записано...

– Мне бы твой телефон записать, – улыбнулся Илья.

– Зачем? – со сдержанным кокетством посмотрела на него Лада.

– За тем, чтобы позвонить тебе. О планах на вечер узнать...

О планах на вечер он узнал в тот же час. А где живет Валентин Шведов без пяти минут лейтенант Колосков узнал, когда она пришла к нему на свидание. Она же сообщила ему и адрес квартиры, в которой он должен был сейчас делать ремонт.

Глава 6

Даже если ты не мастер, но работаешь с желанием и напором, дело будет тебя бояться. Валентин хотел закончить ремонт квартиры в срок, подвластный опытному специалисту, поэтому сегодня за шпатель он взялся с раннего утра. Работа спорилась, и до обеда он успел загрунтовать все стены в комнате. До вечера он планировал нанести слой выравнивающей смеси. Материал для этого был, инструменты тоже... Помощника бы ему, чтобы дело быстро продвигалось. Но почему-то приходится работать в одиночестве. Странные причуды заказчика...

Он приготовил бутерброд для кофе, когда в дверь постучали. Это мог быть дядя Миша, его шеф и прораб одновременно. Поэтому Валентин открыл дверь безбоязненно. И оторопел, увидев на пороге Кристину. Прекрасная и благоухающая искуссительница. А он в грязном комбинезоне, весь в пыли.

– Что, не ждал? – спросила она, с интересом и без всякой брезгливости рассматривая его.

– Ждал, – усмехнулся он. – От тебя всегда что-то ждешь.

– Я смотрю, тебе весело, – жеманно и чуточку смущенно сказала она.

– А чего грустить? Солнце еще высоко, работать еще и работать... Чего стоишь, как неприкаянная? Проходи. Чувствуй себя как дома... В своей квартире...

Он задавался вопросом, кто хозяин этой квартиры; догадки у него были, и сейчас они сложились в единый ответ.

– И как ты угадал? – переступая порог, спросила она.

– А как ты адрес узнала?

– Может, я за тобой следила?.. Что ты на это скажешь? – пытливо посмотрела на него Кристина.

Она ясно давала ему понять, что готова ради него на многое. И бегать за ним будет, пока он не ответит взаимностью на ее тайные желания.

– И скажу, – пристально и с выразительной улыбкой глянул на нее Валентин. – Скажу, что не дело тебе бегать за мной... А ты бегаешь. Но это мне в упрек, а не тебе... И если можно, я мог бы исправить ошибку...

– Как? – заинтригованно, как будто в ожидании чуда спросила она.

– Как говаривал поручик Ржевский, за это можно получить – или по морде, или по удовольствию. Я бы, конечно, хотел получить удовольствие. Но готов и по морде...

В конце концов, он не стыдлива красна девица, чтобы бегать от любви. Он уже совсем не тот, что был совсем недавно. Он готов любить, он готов работать сутки напролет, не зная усталости. Как будто сто пудов психологического груза с души скинул...

– За что? – подавшись к нему, спросила Кристина.

– А за это, – Валентин уверенно обнял ее за талию, привлек к себе.

По морде он получил, но не кулаком, а губами. Кристина целовала его жадно и глубоко, так, что терпение иссякло вмиг. В комнате – ремонт полным ходом, но на кухне более-менее терпимо. Раскладушка с матрасом, две табуретки, одна из которых заменяла стол... Но раскладушку Валентин оставил на потом. Он подтолкнул Кристину к окну, и она правильно все поняла. Руками оперлась о подоконник, подалась задом к нему...

Дошла очередь и до раскладушки, которая сложилась под ними в пласт, о чем они догадались лишь после того, как он выплеснул из себя животные инстинкты.

Какое-то время они молча лежали в желанном изнеможении. Первой заговорила Кристина.

– За что ты со мной так? – с наигранным возмущением и рвущейся наружу счастливой улыбкой спросила она.

– Не за что, а почему... Потому что нельзя, потому что нельзя, потому что нельзя быть красивой такой...

– Ты смотри, распелся... Что с тобой? Я тебя не узнаю...

– Я и сам себя не узнаю.

– Ты вернулся к жизни.

– Ну а кто мой доктор?

– Ты мне льстишь.

– Ты мне тоже... Как вышло, что я отделяваю эту квартиру?

– Так и вышло... Кофе в постель подашь?

– Если это кофе...

– И если это постель, – светло улыбнувшись, Кристина поднялась с разобранной раскладушки, одернула смятую и даже треснувшую где-то по шву юбку.

– Чем богаты, тем и рады...

– Мы, в общем-то, не жалуемся. Но надо бы придумать что-нибудь получше.

Она подняла с пыльного пола модельную сумочку, достала сигареты, щелкнула зажигалкой, с удовольствием глубоко затянулась.

– Так хорошо, что и ты не нужен, – празднично улыбнулась она. – Но это минут на двадцать, на больше и не надейся. Снова тебя захочу...

– И никуда нам друг от друга не деться... Что-то на лирику тянет.

– Может, влюбился?

– Ага, в тебя... Шучу... А может, и нет...

– Не надо шутить, – просительно посмотрела на него Кристина.

Казалось, она боится, что Валентин снова превратится в мрачного буку, который не так давно отказал ей во взаимности... В принципе, это могло произойти – когда-нибудь, но не сейчас. Он чувствовал, что заряда хорошего, празднично-трудового настроения хватит ему надолго.

– Может, и не шучу... Ты мне так и не сказала, зачем я здесь?

– А чем мы с тобой здесь занимались? Это и есть ответ... Я купила эту квартиру, ты делаешь здесь ремонт, и мы будем здесь иногда встречаться... Для этого я и купила эту квартиру, чтобы здесь встречаться. А тебя наняла для того, чтобы начать встречаться уже сейчас...

– Как ты могла меня нанять?

– Я же дала понять, что следила за тобой... Да, Валентин, я так далеко зашла... Ты будешь во мне дикие желания, которые нельзя прогнать, можно только приручить. А если можно прогнать, то вместе с тобой... Но я не хочу, чтобы ты уходил. Может, когда-то и хотела, а сейчас нет...

– Когда хотела?

– Когда тебя посадили. Думала, с глаз долой – из сердца вон... А ведь я не думала о тебе. Первое время думала, а потом перестала... Пока ты снова не появился. Ты – моя чума, ты моя зараза... Ты меня извини, но мне уже пора...

– Уходишь?

– Да, но завтра я буду... Будешь меня ждать?

Валентин слегка грустил. Он хотел Кристину и не боялся встречаться с ней втайне от ее мужа. Но если бы они встречались где-нибудь на нейтральной или, лучше всего, на его территории, а она предлагала ему свою собственную квартиру. Не хотел он быть в роли содержанки...

– Буду, – нехотя кивнул он. – Но завтра я буду работать. И послезавтра. Освою ремонт квартиры, буду зарабатывать деньги. И квартира у меня будет своя...

– Если ты такой гордый, я не стану платить тебе за ремонт. Сделаешь все, и считай, что эта квартира – твоя наполовину... Как тебе такой вариант?

– Не очень. Но завтра я точно буду здесь.

– Тогда и поговорим...

Прежде чем уйти, Кристина крепко поцеловала его в губы. Долгий поцелуй, жаркий. Чувствовалось, что она не хочет уходить...

И все же она ушла. Валентин снова взялся за работу, но стук в дверь отвлек его. Он с облегчением подумал, что дядя Миша приехал вовремя, уже после того, как они закончили с Кристиной... Но и в этот раз он ошибся, вместо бригадира он увидел две хмурые личности.

– Гражданин Шведов? – спросил худощавый молодой человек с угнетающим взглядом.

– Допустим, – через силу улыбнулся Валентин.

– Капитан Косыгин, уголовный розыск ОВД Битово. Вам надо проехаться с нами.

– Вы думаете, это мне надо? Нет, это мне совсем не надо...

– Я бы не советовал вам тратить время на глупые разговоры... Или вы чего-то боитесь? – пристально всматриваясь в него, жестко спросил Косыгин.

– Боюсь. Врываетесь ко мне в дом, в глазах бензопила... А что я такого сделал?

– Вот это вы нам и расскажете, что вы сделали.

– Во-первых, я ничего такого не делал. А во-вторых, вы правы, разговоры у вас глупые, и не надо тратить на них время...

Кто-кто, а Валентин прекрасно знал, что спорить с ментами – себе дороже. И легкой походкой, но с камнем на душе сел в машину, на которой приехали за ним оперативники.

Он предполагал, о чем пойдет разговор. Но не думал, что окажется в кабинете старого знакомого. Печально известный капитан Комов, ныне майор и целый зам начальника ОВД. Это он когда-то пытался навесить на него убийство Лиды.

Комов сидел за столом и что-то писал. Не отрывая глаз от бумаги, он махнул рукой, показывая, что Валентин может присесть.

– Что, Шведов, снова за старое? – даже не глянув на него, спросил он.

– Это вы о чем, товарищ начальник?

– Да все о том же, Шведов. Где ты был ночью с шестнадцатого на семнадцатого мая?

– Какого года?

– Этого, Шведов, этого, – подняв на него глаза, с начальственным раздражением в голосе сказал Комов.

– Кого на этот раз мне пришить хотите? – угрюмо усмехнулся Валентин.

– А кого ты пришил, того и пришьем.

– Я его не пришил, я его пристрелил...

– Кого ты пристрелил? – вскинулся майор.

– Дюбель. Дюбель его зовут.

– Кто такой?

– Ни кто, а что. Дюбель обыкновенный, я его пристрелил, из монтажного пистолета. Точно в стену вогнал... Ремонт я в квартире делал. В ночь с шестнадцатого на семнадцатого мая... Было бы хорошо, если бы его пришил. Так, чтобы соседи ничего не слышали. А то этот дурацкий закон о тишине... То есть закон совершенно правильный. Если с точки зрения нормального человека. А когда ремонт делаешь, это уже с психикой ненормально, как будто в другом измерении живешь, нормальные законы идиотскими кажутся...

– Ты, Шведов, мне здесь ваньку не валяй, – еще больше посуровел Комов.

– Да не Ванька он, а дюбель...

– Еще что-нибудь мне про дюбель скажи! Я тебе тогда скажу про дюпель, которым тебя под нары затолкали.

– Что?! – вскипел Валентин. – Что ты сказал, мусор!

Майор применил против него запрещенный прием. И если он хотел вывести его из себя, он с лихвой выполнил свою задачу... Мразь ментовская!.. Валентин едва сдержался, чтобы не пустить в ход кулаки. И Комов понял, что творится у него внутри.

– А зачем ты меня оскорбляешь? – в праведном гневе спросил он и, поднявшись со своего места, приблизился к Валентину, зашел к нему сзади и резким привычным движением свел вместе его руки.

И тут же на запястьях защелкнулись стальные браслеты наручников.

– Это чтобы ты не дергался... Ну так что, будем говорить про дюбель?

– Не было ничего... Не было ничего, мусор! – взвыл от отчаяния Валентин.

Он хорошо помнил свою первую ночь в общей камере. Он ждал, когда за ним придут, и был готов к нападению. Силы были неравны, но он держался, несмотря ни на что. Его избили до полусмерти, но до позорного контакта так и не дошло. Следующей ночью ему досталось еще больше, но и он, сопротивляясь, сломал кому-то челюсть. Его и самого после того случая отправили в тюремную больничку, где он провел две недели на правах изгоя. Потом снова была общая хата, где Валентина снова загнали под нары. Он терпеливо сносил боль унижения и подлые пинки в спину, но с ревом и зубами готов был вгрызаться в горло каждому, кто тянул к нему грязные руки. Он сохранил себя в целости, но как был презираемым существом низшего сорта, так и ушел на этап... Знал бы кто, как тяжело ему пришлось на пересылках и в зоне, сколько раз пытались его растоптать и размазать по полу. Знал бы кто, как ненавидел он уголовных ублюдков, которые травили его все шесть лет, унижали, сравнивая с грязью. Его сгибали, по нему ходили, но так никому не удалось окончательно сломить его. Да, он был опущенным, но никто так и не смог назвать его «законтаченным», но того, что он перенес, выживая в кромешном аду, хватило бы на целую вечность вольной жизни... И теперь майор, который в свое время из кожи вон лез, чтобы он получил максимальный срок, смеет упрекать его в том, чего не было, но должно было быть. И скажи после этого, что он не мусор. Погань ментовская!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.